

СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Чтеніе о сравнительномъ Славянскомъ языкознаніи

въ Пражскомъ университетѣ Челяковского. Пер. съ Чешскаго.

Введеніе.

Славянскія нарѣчія.

Славянскій языкъ, съ грамматическимъ строемъ котораго мы намѣрены ознакомиться, по естественному ходу вещей и вліянію различныхъ обстоятельствъ, необходимо долженъ былъ раздѣлиться на значительное число нарѣчій или діалектовъ.

Причина тому—древность Славянскаго племени, его огромность, представляющаяся намъ тотчасъ при началѣ его историческаго существованія, его разбросанность по отдаленнымъ пространствамъ нашей земли, кромѣ того и разнообразіе въ его общественныхъ отношеніяхъ, его правленіи и судьбѣ, а также сосѣдство съ другими народами, вліявшими, какъ на обычаи вообще, такъ на языкъ его въ особенности.

Нарѣчія славянскія одни ближе и родственнѣе между собою, другія-отдаленнѣе и болѣе отличны другъ отъ друга, По родственности нарѣчій, всю славянскую рѣчь можно раздѣлить и рассмотреть слѣдующимъ образомъ:

По нѣкоторымъ признакамъ, которые впервые подмѣтилъ и указалъ Добровскій, колѣно всего Славянства прежде всего дѣлится на двѣ вѣтви, весьма неравныя по объему въ отношеніи численности говорящихъ. Мы будемъ называть ихъ *отраслями*, и именно отраслю *Юговосточной* и *Западной*.

Первая, или Юговосточная, отрасль заключаетъ въ себѣ три главные языка, именно: *Русскій*, *Болгарскій* и *Иллирскій*; въ Западной, хотя меньшей, отрасли ихъ находится четыре, именно: *Польскій*, *Чешскій*, *Сербскій*—въ обѣихъ Лузаціяхъ,—и вымершій уже теперь совсѣмъ языкъ *Полабскій*.

Эти славянскіе языки дѣлятся въ свою очередь на нарѣчія, а именно: въ Русскомъ является три нарѣчія: *Великорусское*, *Малорусское* и *Бѣлорусское*. Болгарскій языкъ представляется намъ въ двухъ значительно другъ-отъ-друга отличныхъ нарѣчіяхъ, но отличныхъ не по пространству, а болѣе по времени; поэтому раздѣленіе его на два нарѣчія Староболгарское и Новоболгарское есть дѣло исторіи. Языкъ же, называемый въ настоящее время вообще Иллирскимъ, заключаетъ въ себѣ три главнѣйшихъ нарѣчія: *Иллирское* въ тѣсномъ смыслѣ, иначе называемое *Сербскимъ*, *Хорватское* и *Краинское*, которое, кромѣ герцогства Краинскаго, съ большимъ или меньшимъ различіемъ въ выговорѣ, простирается на часть Хорутаніи, Штиріи и Горицы, будучи извѣстно вообще подъ именемъ Словинскаго нарѣчія.—Въ Польскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ нарѣчій, въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ господствуетъ, а являются только отбѣики, въ нарѣчіяхъ.—Чешскій языкъ дѣлится на два нарѣчія, одно собственно *Чешское*—въ Королевствѣ Богеміи и Моравіи, другое *Словенское* въ горной Венгріи, или Словакіи. Равно и языкъ Сербско-Дужицкій развѣтвился надвое, считая нарѣчія *Верхне-* и *Нижне-Дужицкое*; первое подходитъ ближе къ Чешскому, а второе—къ Польскому. На какіе языки и нарѣчія дѣлилась рѣчь полабскихъ и балтійскихъ Славянъ, въ настоящее время съ точностью опредѣлить невозможно. Насколько видно изъ собствен-

ныхъ и географическихъ именъ, было, конечно, и здѣсь больше діалектовъ, изъ которыхъ одинъ сохранился дольше всего въ Люнебургѣ, и извѣстенъ подъ именемъ *Древлянскаго нарѣчія*.

Многія изъ вычисленныхъ здѣсь нарѣчій въ свою очередь дѣлятся на меньшія вѣтви, образуя многочисленныя *поднарѣчія*, а иногда и *разнорѣчія* (*varietas*). Желаніе вычислить ихъ въ точности стоило бы не малаго труда, и не принесло бы большой пользы, какъ въ отношеніи общественномъ, такъ и языкознательномъ. (?) Такія поднарѣчія или разнорѣчія суть, напр. *Новгородское* въ Великорусскомъ, *Кашубское*, стоящее какъ бы посрединѣ между языкомъ балтійскихъ Славянъ и Польскимъ. Дальше разнорѣчіе *штірійское* въ отношеніи Краинскаго нарѣчія, *далматинское* въ отношеніи Сербскаго или Иллирскаго, *Русское* въ Галиціи въ сравненіи съ Малорусскимъ. Такъ расвѣтвляются снова славянскія нарѣчія на семь поднарѣчій; такъ и въ языкѣ лужицкихъ Сербовъ есть нѣкоторыя большія, или меньшія отступленія въ поднарѣчіяхъ, и за разнорѣчіе въ Сербскомъ языкѣ можно считать ту рѣчь, — какъ въ говорѣ, такъ и письмѣ, — которая слышится въ Силезіи или въ нѣкоторымъ мѣстностяхъ Моравіи.

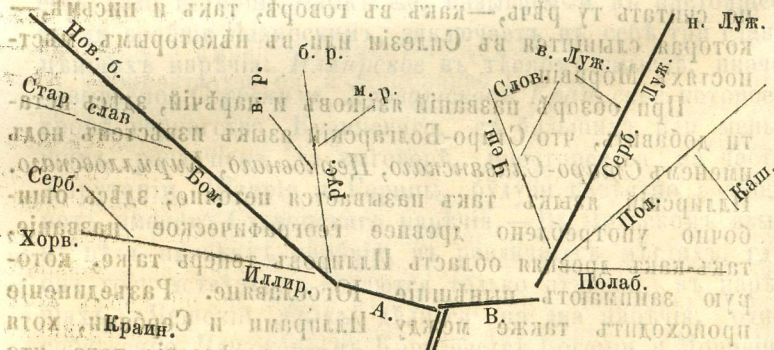
При обзорѣ названій языковъ и нарѣчій, здѣсь кстати добавить, что Старо-Болгарскій языкъ извѣстенъ подъ именемъ *Старо-Славянскаго*, *Церковнаго*, *Кирилловскаго*. Иллирскій языкъ такъ называется неточно; здѣсь ошибочно употреблено древнее географическое названіе, такъ-какъ древняя область Иллировъ теперь таже, которую занимаютъ нынѣшніе Югославыне. Разъединеніе происходитъ также между Иллирами и Сербами, хотя языкъ у нихъ одинъ и тотъ же, вслѣдствіе того, что Югославыне католическаго вѣроисповѣданія (Иллиры) употребляютъ латинское письмо, Югославыне же православныя — кирилловское. — *Русь* и *Русинъ* въ основаніи одно и тоже названіе, равно какъ *Славянинъ* и *Словенинъ*, *житель Праги* и *Пражанинъ*; однако окончаніе *инъ* въ производныхъ исчезаетъ, и неправильно говорятъ,

русинскій;—Славяне лужицкіе называютъ себя *Сербами* и языкъ свой—*Сербскимъ*; мы же для отличія отъ Сербовъ Южныхъ или Дунайскихъ будемъ здѣсь употреблять названія *Верхне-и Нижне-Лужичанъ*.

Раздѣленіе это показываетъ, что вся славянская рѣчь дѣлится на двѣ отрасли, въ которыхъ заключается семь главныхъ языковъ, раздѣляющихся въ свою очередь на 14 нарѣчій, которыя, если мы захотимъ итти дальше, окончательно теряются въ различныхъ поднарѣчіяхъ и разнорѣчіяхъ.

Раздѣленіе языковъ и нарѣчій Славянскихъ и ихъ общее то ближайшее, то болѣе отдаленное родство можно также представить въ видѣ родового дерева въ такомъ видѣ:

Но это раздѣленіе всего Славянства, основанное на ученыхъ изслѣдованіяхъ, представляется вполне точнымъ и въ географическомъ отношеніи въ тройственномъ видѣ: а) соединеніе нарѣчій сѣверо-восточныхъ, или русскихъ; б)—нарѣчій южныхъ или болгарско-иллирскихъ; с)—нарѣчій западныхъ или польско-чешскихъ.

Численность всего Славянскаго племени простирается по новѣйшимъ даннымъ до 80 милліоновъ душъ; на отрасль А приходится около 63 мил., на В же только 17. Неодинаковость численности еще больше бросается въ глаза, если мы выразимъ въ числахъ количество народа говорящаго каждымъ порознь изъ поименованныхъ языковъ. Въ отрасли А приходится на русскую вѣтвь 52; на иллирскую 7, на болгарскую почти 4 мил. — Въ отрасли В вѣтвь польская нѣсколько больше 10, чешская почти 7 милліоновъ, а сербское населеніе въ обѣихъ Лузаціяхъ сокращается только на 200,000 душъ. — Если сравнимъ теперь число всѣхъ Славянъ съ числомъ всего человѣчества, то увидимъ, что чуть не каждый десятый человѣкъ — Славянинъ (*).

Вообще родовые языки человѣческіе образуются и различаются другъ отъ друга, какъ отдѣльные языки и нарѣчія, двоякимъ образомъ: или своей формой — грамматически, или матеріей — лексикологически. Одно даетъ видъ языку, другое есть его сущность или содержаніе. Основу формальныхъ различій составляетъ или различіе основныхъ гласныхъ, или неодинаковость удареній, но главнымъ образомъ отступленія въ словопроизводствѣ и склоненіи, особенныя правила, которыми образуется складъ рѣчи. Лексикологическое раздѣленіе заключается уже въ наличномъ употребленіи нѣкоторыхъ словъ и выраженій въ одномъ нарѣчій и въ отсутствіи или потерѣ ихъ въ другомъ, а также иногда въ употребленіи ихъ въ разныхъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ совершенно отличномъ.

(*) Какія границы каждаго Славянскаго языка, къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ народъ имъ говорящій и въ какомъ числѣ какому государству принадлежитъ, это въ подробности объяснено на Шаф. народописной картѣ.

Въ нашемъ Славянствѣ мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми существенными признаками, по которымъ можно утверждать, къ которой изъ вышеприведенныхъ отраслей относится Славянской языкъ или нарѣчіе. Признаки эти бываютъ, какъ мы сказали, или формальные, или матеріальные, относящіяся — или къ грамматикѣ, или къ лексической сторонѣ. Остроумный Добровскій былъ первый, напавшій на эти признаки и обратившій на нихъ вниманіе. Мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

1. *раз*, — *из* — *roz*, — *vy* —
разумъ, *размѣрѣти*, *rozum*, *roziměřiti*,
издати, *избирати*, *vydati*, *vybirati*.

(Однако отлічіе это справедливо только отчасти, такъ-какъ въ русскихъ нарѣчіяхъ рядомъ съ *из* попадаетъ *вы*).

2. Вставное *л* смягчается въ нѣкоторыхъ случаяхъ, послѣ зубныхъ звуковъ и мягче выговаривается:
корабль, *леплю*, *korab*, *lepim*, *lepie*.

земля, *поставленъ*, *ziemia*, *postaven*.

3. Напротивъ, во второй отрасли В вставляется д передъ согласной *л*:

сало, *крыло*, *правило*, *sadlo*, *kridlo*, *skerydlo*.

молитисѧ, *modliti sě*.

И также въ А нѣрѣдко выпускается коренное *д* и *т* передъ *л* и *н* въ глаголахъ:

палъ, *пали*, *велъ*, *padl*, *padli*, *vedl*.

сѣчелъ, *цвѣлъ*, *sčeti*, *květi*.

вяну, *свѣту*, *vadnu*, *wiedne*, *svitnu*.

4. Болѣе твердая согласная *ш* или *ч*, въ другой одно *и*:

пещь, *мошь*, *печь*, *мочь*, *рес*, *мос*, *pies*.

5. Коренный *з* и *ж* въполнѣ сохраненныя въ отрасли В, мѣняются и смягчаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ родственныя шипящія, именно въ *з* и *и*:

звѣзда, *цвѣтъ*, *звиздъ*, *hvezda*, *květ*, *hvizd*.

6. Какъ неизмѣнныя отличія, находятся нѣкоторыя слова въ отрасли А, и совсѣмъ съ другимъ окончаніемъ —

въ отр. В, какъ *птица*, *стоуденецъ*, *мой (мъ)* и пр., которыми въ В соответствуют *ptak*, *studnica*, *ten*.

7. Также въ лексикологическомъ отношеніи находятся нѣкоторыя слова, принадлежащія исключительно одной или другой отрасли, напр. А *десница*, В *pravica*; *мотрити* или *смотреть* — *patriti*; *милостыня* — *almužna*; *пословица* — *přislovi* и пр.

По вычисленнымъ тутъ нѣкоторымъ главнѣйш имъ отличіямъ (*criterium*), уже не трудно распознать обѣ эти отрасли, и слыша или читая такія слова, какъ: *разговоръ*, *истисалъ*, *журавль*, *люблю*, *кадило*, *ночь* или *ношь*, мы знаемъ уже, что никогда не встрѣтимся съ ними въ группѣ языковъ второй отрасли, но — въ первой, или Юговосточной, которая тамъ въ приведенномъ примѣрѣ должны замѣниться: *rozwowor*, *wypisal*, *żeraw* или *żogaw*, *lubie*, *libim*, *kadidło*, *noc* и пр.

Чѣмъ и какъ различаются далѣе между собой Славянскіе языки и главные нарѣчія, это составляетъ задачу нашихъ чтеній по сравнительной грамматикѣ. Первѣйшею и необходимѣйшею основою для этого послужить намъ ученіе о славянскихъ звукахъ и ихъ отношеніяхъ между собою (*vocalismus*, *consonantismus*); потомъ сравненіе и объясненіе грамматическихъ формъ, равно и обзоръ матеріала языка, въ разныхъ видахъ распространеннаго по обширнымъ Славянскимъ землямъ.

Языкъ и письмо.

Письмо, употребляемое теперь Славянами для выраженія своеобразности своей рѣчи въ формѣ, принято, какъ извѣстно, съ одной стороны отъ Грековъ, съ другой — отъ Римлянъ, вмѣстѣ съ принятіемъ Христіанской вѣры и обрядовъ, смотря потому, какой языкъ употребляла Церковь. Но ни греческій, ни латинскій алфавитъ не удовлетворялъ почти и на половину объему богатства славянскихъ звуковъ, а потому скоро оказалась необходи-

мость пособить этому недостатку какимъ-нибудь образомъ. Кратчайшій и удобнѣйшій путь, особенно при самомъ началѣ народной письменности, есть, разумѣется, тотъ, гдѣ недостающіе знаки въ письмѣ, взятомъ отъ нѣ, для выраженія излишествующихъ необходимо-нужныхъ собственныхъ звуковъ, дополняются вновь изобрѣтенными начертаніями, но такимъ образомъ, чтобы въ отношеніи находящихся они не были рѣзко-отличными, но составляли съ ними гармоническое цѣлое. Какъ прекрасно первые славянскіе апостолы Восточной церкви, Св. Кириллъ и Меѳодій, какъ изобрѣтатели письма, достигли въ этомъ трудѣ цѣли, видно съ перваго взгляда каждому, обладающему здравымъ смысломъ. Кирилловское письмо легко проникло съ вновь переведенными священными книгами въ весьма многія Славянскія земли, и употребляется до сихъ поръ, будучи извѣстно гораздо большей половиной нашего племени. Еще при жизни Меѳодія проникло оно въ Паптонскія и Далматскія земли и распространилось въ нихъ, сто тѣтъ спустя перешло къ Сербамъ и Русскимъ, и немного было нужно, чтобы оно принялось у всѣхъ остальныхъ Славянъ, если бы, къ несчастью, не произошло раздѣленіе церковей Западной и Восточной и не помѣшало этому распространенію. Изъ чуждыхъ племенъ приняли Кирилловское письмо для своего языка Румыны—въ Молдавіи и Валахіи—и держатся его большею частію до сихъ поръ.

Не то было съ письмомъ у тѣхъ Славянъ, которые приняли религію по римскому обряду. Здѣсь, при началѣ письма на Славянскомъ языкѣ латинскими буквами, никто не подумалъ о томъ, чтобы оказывающійся недостатокъ дополнить новыми начертаніями, для выраженія звуковъ исключительно свойственныхъ славянской рѣчи. Въ первые вѣка письменности въ Западныхъ земляхъ, всякій обходился съ латинской азбукой, какъ зналъ и умѣлъ. Въ такихъ неудобныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ могло выйти только то, что одна и та же латинская азбука должна была обозначать два, а иногда и три, различные звука. Нѣсколько вѣковъ поз-

же нѣкоторые Славяне, употреблявшіе латинское письмо, взяли за способъ, совершенно превратный и къ тому же гораздо худшій, стараясь, возникающія при чтеніи и письмѣ, затрудненія устранить тѣмъ, что стали обозначать простые славянскіе звуки, для которыхъ однако не хватало латинскихъ знаковъ, соединеніемъ нѣсколькихъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого страннаго соединенія въ письмѣ, Югославяне, писавшіе латинскимъ алфавитомъ, достигли высшей степени уродливости въ своемъ правописаніи. Кто бы не остановилъ своего вниманія, находя въ нѣкоторыхъ классическихъ сочиненіяхъ Далматинцевъ многія слова, написанныя двоякимъ соединеніемъ буквъ, какъ напр. *шлешь*—*sceliese*, *книжный*—*knisegni*, *ближнія*—*blisegnja* и пр. Третій, занимающій, такъ сказать, середину между этими способами письма, это, начавшійся у Чеховъ со времени Гусса и теперь принятый нѣкоторыми другими Славянами, по которому римскій алфавитъ тѣмъ удовлетворяетъ славянскимъ звукамъ, что употребляются простые латинскія буквы, хотя для другихъ звуковъ, а все таки нѣсколько сродныхъ, снабженныя нѣкоторыми отличительными (діакритическими) значками. Такъ напр. изъ *c, s, z*: *c, š, ž*.

Такимъ образомъ для Славянскаго языка является двоякое письмо,—въ одномъ основанъ служитъ греческій алфавитъ, въ другомъ приспособленъ латинскій. Первое, будучи всеобщимъ у Славянъ греческаго вѣроисповѣданія, со времени Кирилла, хотя и подверглось нѣкоторымъ измѣненіямъ, распространившись на столь значительномъ пространствѣ земли, однако оно не измѣнило совершенно первоначальнаго своего греческаго характера IX вѣка, легко бросающагося въ глаза. Мы находимъ безчисленное множество рукописей, писанныхъ этимъ шрифтомъ, и также значительное число печатныхъ книгъ, начиная съ 1491 года въ Краковѣ, и 1493 въ Венеціи, безъ перерыва до нашихъ временъ. На немъ пишутъ и печатаютъ также Болгары въ издаваемыхъ нерѣдко книгахъ для народа на Новоболгарскомъ нарѣчій, въ новѣйшее время стали употреблять его и Галицкіе Малороссы. При Петрѣ Ве-

дикомъ, и главнымъ образомъ подь его вліяніемъ, старославянское письмо преобразовано въ теперешнее русское, которое, въ отличіе отъ церковнаго, названо свѣтскимъ письмомъ, или гражданской печатью. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе одного столѣтія, достигло оно той выработанности и совершенства, которыя мы видимъ теперь въ русскихъ и сербскихъ книгахъ.

Нужно упомянуть объ особомъ родѣ Кирилловскаго письма, именно о такъ называемой *буковницѣ*, происшедшей, вслѣдствіе особыхъ видовъ папскаго престола въ XVI вѣкѣ на соединенныхъ Грековъ (уніатовъ), отъ перемѣны нѣкоторыхъ буквъ и начертаній въ Кирилловской азбукѣ. Сдѣлано это главнымъ образомъ съ той цѣлью, — что угадать нетрудно, — чтобы католическія молитвенныя книги даже наружно отличались отъ книгъ, употребляемыхъ не — присоединенными Греками.

На латинское письмо выше упомянутыхъ Славянъ имѣли значительное вліяніе ихъ ближайшіе сосѣди. Находясь въ сношеніяхъ съ Итальянцами, южные Славяне, Далматинцы, Хорваты и Краинцы, въ началѣ своей письменности, стали придерживаться латинскаго письма, напротивъ, рано проложили себѣ путь къ Чехамъ, Полякамъ и лужицкимъ Сербамъ способъ угловатаго готскаго письма, преобразовавшись потомъ въ такъ называемую *фрактуру*, отчего и произошло то, что почти всѣ старинныя печатныя книги выходили у Западныхъ Славянъ не иначе, какъ нѣмецкимъ шрифтомъ, который самъ Я. Гриммъ, величайшій германскій языкоислѣдователь, не стыдился называть варварскимъ письмомъ. Въ польскомъ народѣ исчезло оно въ короткое время, вслѣдствіе сеймоваго рѣшенія; есть надежда, что и у Чеховъ оно мало-по-малу замретъ и уступить мѣсто болѣе красивому и богатому латинскому письму.

Нужно упомянуть еще и о третьемъ родѣ славянскаго письма, которое слыветъ подь именемъ *Глагольскаго* или *Глаголитскаго*. Хотя въ полнотѣ буквъ оно не много уступаетъ Кирилловскому письму, однако въ изящной простотѣ чертъ и ясности сравняется съ нимъ не

можетъ. О происхожденіи и началѣ этого письма нельзя сказать ничего положительнаго, и мы до сихъ поръ блуждаемъ во тьмѣ. Добровскій и его послѣдователи дѣлаютъ предположеніе, что въ началѣ XIII вѣка римскій дворъ всячески старался, чтобы отправляемая по-славянски литургія, а съ нею Кириллица, была уничтожена въ Хорватской и Далматской области, и взялся для этого за самыя прочныя мѣры, тогда-то, безъ сомнѣнія, какому-то Далматинцу пришло на мысль изобрѣсти для славянской литургіи и приверженцевъ латинской церкви новыя и совершенно отличныя отъ Кирилловскихъ письма. А чтобы это легче привилось, обратились къ той священной выдумкѣ, что письмо это имѣетъ свое начало отъ отца церкви и переводчика библіи св. Іеронима. Говорятъ, въ послѣдствіи случилось такъ, что старославянскія служебныя книги стали переписывать только новымъ письмомъ, языкъ же оставался прежній, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій. Однако догадку эту Добровскаго найденныя въ новѣйшее время рукописи глагольскаго письма подвергаютъ сильному сомнѣнію: такъ-какъ несомнѣнно, что дошедшіе до насъ памятники глагольскаго письма немногимъ раньше памятниковъ, писанныхъ Кириллицей въ XI стол. — На этомъ основаніи и по другимъ причинамъ въ недавнее время замѣчательный славистъ Конитаръ стремился снова дать ходъ мнѣнію прежнихъ ученыхъ, именно Грубиниты, Добнера и Антона, которые признавали Глагольское письмо гораздо древнѣйшимъ, чѣмъ Кирилловское. Со взглядомъ этимъ соглашается, какъ кажется, также славный Я. Гриммъ, который, въ новѣйшемъ изданіи своей грамматики, говоритъ слѣдующее: «Früht nicht vieles, so warder Gebrauch der Runen wenigstens einzelnen deutschen und so auch slavischen Stämmen vor ihrer Bekehrung aus den Heidenthume kund. Bei den Slaven trägt die ältere Glagolica noch Spuren dieses Zusammenhanges mit der Runenschrift an sich». Слова столь глубокаго языковѣдателя достойны вниманія. Мы должны ждать отъ будущаго времени представленія еще болѣе убѣдительныхъ доводовъ, которыми бы

ясно можно было доказать, что Глагольское пясмо уже въ до-христіанскую эпоху было извѣстно Славянамъ и издавна существовало у нихъ. Печатать стали глагольскими буквами за 8 лѣтъ раньше печатанія Кириллицей, и уже въ 1483 году, появился въ свѣтъ служебникъ *in folio*, за которымъ, до нашего времени, послѣдовало множество книгъ къ церковнымъ службамъ приспособленныхъ. Однакожь употребленіе Глагольского письма и въ самой Далмаціи уже сильно приходитъ въ упадокъ, и безъ сомнѣнія и тамъ, какъ вездѣ, будетъ въ скоромъ времени забыто (*).

(*) Шафарикъ, въ 1853 г., высказалъ мнѣніе, (пер. въ Ж. М. Н. Пр. 1855, № 7 и 8), что Кириллица изобрѣтена Климентомъ, еп. Великимъ (+987), а Глаголица—Кирилломъ св., что Кириллица преобразована изъ Глаголицы и названа Климентомъ въ честь своего учителя—Кириллицей. Русскіе ученые, предполагая, что этимъ теряется заслуга св. Кирилла, не соглашались съ мнѣніемъ Шафарика. Нѣчто похожее на мнѣніе Шафарика въ 30-хъ годахъ высказывалъ Вореоломей Копитаръ, въ опроверженіяхъ на мнѣніе аббата Добровскаго, что Глаголица—продуктъ XIII в., такъ-какъ ему извѣстна была рукопись 1222 г., списанная, по повелѣнію Сплетскаго епископа Теодора, клерикомъ Николаемъ Арбскимъ, и Добровскій чуть было не призналъ этого клерика изобрѣтателемъ Глаголицы. Добровскому же казалось подложнымъ то мѣсто въ буллѣ папы Иннокентія IV, гдѣ говорится: «Въ Далмаціи есть свои буквы (*est littera specialis*), изобрѣтеніе которыхъ духовенство той страны приписываетъ св. Іерониму, и пусть ихъ-то держатся при богослуженіи», потому что называется изобрѣтателемъ св. Іеронимъ (кон. IV и нач. V в.), главный творецъ Вульгаты, по мнѣнію Добровскаго, для того, чтобы гарантировать себѣ дозволеніе папы на славянское богослуженіе именемъ такого великаго мужа. Въ настоящее время въ Глаголицѣ признается 2 періода: древній до XIII в. и новый—съ XIV в. Копитаръ опровергалъ мнѣніе Добровскаго на основаніи слѣдующихъ данныхъ: 1) Въ Ватиканской библіотекѣ находится евангелистарій (XI в.), привезенный въ Римъ изъ Іерусалима-Ассемани (изд. Г. Рачимъ, въ 1865 г.); 2) *Glagolita Closianus*—рукопись, доставшаяся Копитару отъ Тридентскаго графа Клотца; 3) въ Парижской библіотекѣ, въ латинскомъ сборникѣ,

Различіе письма такимъ образомъ дѣлитъ все теперешнее Славянство на двѣ части. При большой разбросанности нашего племени и при глубочайшемъ раздѣленіи главныхъ нарѣчій другъ отъ друга въ сво-

найдена *Abecedarium Bulgaricum* (перечисленіе буквъ); всѣ эти рукописи дрезвѣ XIII в. и писаны глагольскими буквами. Опроверженіе на Копитара писалъ проф. С.-петербургскаго университета Прейсъ (*Ж. М. Н. Пр.*, 1843 г. № 3), по мнѣнію котораго Глаголица уже въ XI в. была въ употребленіи въ Далмаціи, на что указываетъ *Magolita Clocianus*, посящая слѣды Далматскаго нарѣчія, и запрещенія папъ, одно въ 1059 г. гдѣ славянскія буквы названы готскими, а изобрѣтатель — Меодій. Доказательство существованія глаголицы въ X в. представилъ Порфирій Успенскій, нашедши въ Иверскомъ монастырѣ, на Аѳонской горѣ договорную грамоту основателя монастыря Ивана Ивера съ жителями Эриссы, написанную писаремъ Николаемъ Солунскимъ и подписанную попомъ Георгіемъ глагольскими буквами, въ 982 г. Въ 925 г. было также запрещеніе папы Іоанна X, хорватскому князю Томиславу, служить по славянскимъ книгамъ, писаннымъ готскими буквами. Соборъ Сплетскій въ томъ же году постановилъ тоже. Проф. Казанскаго университета Григоровичъ открылъ въ Охридѣ (Македонія), краткое жизнеописаніе Климента, напечатанное въ первый разъ въ 1665 г. гдѣ говорится: «изобрѣлъ (Климентъ) другія формы буквъ, которыя имѣли большую ясность, чѣмъ изобрѣтенныя философомъ Кирилломъ». Григоровичъ предполагаетъ, что буквы, изобрѣтенныя Климентомъ, — глагольскія буквы. Въ сказаніи Черноризца Храбра (по Шафаріку X в.) говорится: «сеи сътвори (Кириллъ) 30 и 8 буквъ», изъ которыхъ 14 были придуманы Кирилломъ, а остальные взяты изъ греческаго алфавита. Храбръ, слѣдовательно, опровергаетъ теорію Шафарика, приписывая Кириллу то, что этотъ послѣдній относитъ къ Клименту. Еще болѣе говорить противъ Шафарика: **крѣстивше же сѧ (Славяне) римскими и грѣхскими письмены нѣждахъ сѧ.....**, т. е. употребляли греческій и латинскій алфавитъ, отъ котораго очень легко былъ Кириллу переходъ къ Кириллицѣ. Это доказываетъ отчасти и тотъ фактъ, что Кириллъ встрѣтилъ въ Херсонесѣ Русина, у котораго было Евангеліе и писатиръ «росци письмены писаны,» которыя Кириллъ очень скоро умѣлъ уже разбирать, потому что по всей вѣроятности были написаны Греческимъ шрифтомъ, и такъ-какъ онъ

емъ сирѣчь эта двойственность не много значить; но тамъ, гдѣ эта двойственность въ письмѣ встрѣчается въ одномъ и томъ же языкѣ и мѣшается одна другой, какъ мы это видимъ у Иллировъ, тамъ, конечно, происходитъ вслѣдствіе этого незамѣнимая потеря. Разумѣется, и греческіе Иллиры, или Сербы, и римскіе имѣютъ одинъ и тотъ же языкъ, и однако вслѣдствіе раздвоенія въ письмѣ происходитъ то, что какъ-бы обрабатывается двѣ литературы, не поддерживаемыя взаимно, какъ бы то было при единствѣ письма, причемъ литература ихъ поконилась бы на болѣе прочныхъ основахъ и глубже проникала бы въ народную жизнь.

Часто жаловались на разъединеніе Славянъ черезъ письмо, и не однократно высказывали желаніе соединенія въ единообразіи письма. Уже Шлёцеръ, а за нимъ и другіе, предлагали латинскія письма, какъ извѣстныя во всей Европѣ и въ другихъ мѣстахъ. Однако въ странѣ Восточныхъ и Южныхъ Славянъ Кириллица уже такъ далеко пошла и проникла въ народъ, что нечего и думать, чтобы какая-нибудь воля или сила человѣческая

знала языкъ Македонскихъ Славянъ, то ему только оставалось примѣниться, какъ греческія буквы употреблены въ дѣло. Защитники древности Глаголицы хотѣтъ видѣть въ «росци письмены» глагольскія буквы. Но съ этимъ трудно согласиться, а естественно въ «росци письмены» видѣть греческія буквы, примѣсившія къ славянской рѣчи. Подтвержденіемъ свидѣтельства Черноризца Храбра можетъ служить сказаніе безыменнаго греческаго писателя, хранящееся въ Парижской библіотекѣ, гдѣ разсказъ о крещеніи Моравскаго князя смѣшанъ съ крещеніемъ Руссовъ, и гдѣ между прочимъ говорится, что варвары—Руссы не могли выучить 24-хъ греческихъ буквъ и поэтому для нихъ изобрѣли 35, которыя они и выучили. Въ заключеніе должно сказать, что вопросъ объ относительной древности Глаголицы и Кириллицы окончательно не выясненъ, и послѣ многихъ, болѣе или менѣе остроумныхъ предположеній, нѣкоторые изъ ученыхъ, изъ числа которыхъ и Харьковскій проф. университета г. Лавровскій, примчал въ недавнее время къ заключенію, что Глаголица, одна изъ машинъ католической пропаганды, есть изобрѣтеніе позднѣйшее, вѣроятно XIII в.

Примѣч. пер.

могла совершить эту перемѣну. Да кромѣ того, кто съ здравымъ смысломъ можетъ желать, чтобы больше 60 милліоновъ Славянъ, пишущихъ по-кирилловски, приравнивалось съ другой страной гораздо меньшей числомъ, тѣмъ болѣе, что употребляемое ими письмо, ни въ ясности, ни въ выразительности, не уступаетъ латинскому и плотно сжилось съ церковными обрядами? Скорѣе, по естественному ходу вещей, настанетъ то время, когда, такъ называемое, русское письмо, — какъ мы видимъ примѣръ тому на царствѣ Польскомъ, расширяясь все болѣе и болѣе къ югу и западу, станетъ необходимой потребностью для каждаго образованнаго Славянина.

Кромѣ принятія двоякаго письма, для азбучнаго сближенія является еще и другая помѣха, особенно у Славянъ, употребляющихъ латинскій алфавитъ, и именно та, что каждый языкъ и нарѣчіе, и безъ того разъединенные, по своеобразной прихоти, означаютъ звуки, недостающіе у Римлянъ, неодинаковымъ образомъ. Все это стремленіе къ замѣнѣ и дополненію въ Славянствѣ, недостающихъ въ латинскомъ письмѣ, азбучныхъ начертаній устраивается вообще слѣдующимъ образомъ:

а) или требуется къ существующимъ уже изобрѣтъ новыя знаки, для выраженія звуковъ, которыми богаче языки славянскіе; или

б) вполне достигается это чертами или кружками, на нѣкоторыхъ, находящихся подъ рукою, но все таки еродныхъ имъ, начертаніяхъ; далѣе также служить нѣкоторымъ пособіемъ

с) соединеніе двухъ буквъ для одного звука; наконецъ

д) употребленіе двухъ, а иногда и всѣхъ трехъ, исчисленныхъ способовъ.

Какъ сказано выше, первые начали дѣло Славянскіе апостолы Кириллъ и Меѡодій, и изобрѣтенная ими азбука сохраняется, съ незначительными перемѣнами, у всѣхъ Русскихъ, Сербовъ и Новобулгаровъ. Знаменитый сербскій писатель Вукъ Караджичъ (*) старается уже нѣсколько

(*) Умеръ въ 1864 г. 8 февраля, (Прим. пер.)

лѣтъ примѣнять къ своему языку значительно отличный отъ кирилловскаго способъ письма, но до сихъ поръ встрѣтилъ однихъ только противниковъ, и ни одного поборника, такъ-что несомнѣнно, нововведеніе это послѣ него опять скоро загложнетъ. Подобныя исправленія и дополненія въ славянскомъ письмѣ введены также двумя Краинцами, но и тутъ безъ всякаго успѣха, и можно съ достовѣрностью предсказывать, что у Западныхъ Славянъ, едва ли кому-нибудь, хотя бы то былъ самъ Кирилль, будетъ удача въ подобномъ дѣлѣ (*).

Чехи употребляютъ въ письмѣ діакритическіе знаки уже больше четырехъ сотъ лѣтъ; въ новѣйшее время присоединились къ этому также Иллиры и отчасти Лужичане. Оба эти народа прежде употребляли очень неудобное соединеніе буквъ; теперь же изобрѣли, особенно Иллиры, такой удобный методъ письма, что мы должны предсказать ему высокую степень совершенства, отчего онъ и принялся и распространился свободно. Въ польскомъ письмѣ перемѣшиваются всѣ три поименованные способа дополненія недостающихъ буквъ, такъ-что напр. звукъ *z*, равно какъ кирилловское *з*, имѣетъ свое отдѣльное начертаніе, звукъ *ж* Поляки, а равно и Чехи, обозначаютъ діакритическимъ значкомъ, а также несоставной звукъ *ш* означаетъ соединеніемъ *s* и *h*.

Грамматическія сравненія и изслѣдованія наши будутъ относиться, стало быть, и къ слѣдующимъ славянскимъ языкамъ: Староболгарскому, Русскому, Польскому, Иллирскому и Чешскому. Къ прочимъ тогда будемъ обращаться, когда нѣкоторыя болѣе темныя формы и особенности исчисленныхъ главныхъ языковъ можно будетъ объяснить ими, или въ случаѣ, если что-нибудь существенное изъ Старославянской рѣчи сохранилось въ нихъ, а въ остальныхъ съ теченіемъ времени измѣнилось или исчезло.

(*) Въ настоящее время идея объединенія Славянъ, поддерживаемая многими учеными, подаетъ смѣлую надежду, что рано или поздно войдетъ во всеобщее употребленіе русское письмо.

Ред.

(.qon .mqrll) ,nлсрлрл 8 .t 1881 an rqrll (.)

Языкъ Староболгарскій, иначе Церковный и какъ *ѣсохѣ* называемый Старославянскимъ, весьма интересенъ для насъ по своей почтенной древности, по своей, въ значительной степени, и до сихъ поръ сохранившейся въ гласныхъ и склоненіи, первообразности, вообще по своему во всѣхъ отношеніяхъ грамматическому совершенству. Не зная Старославянскаго языка нельзя положить ничего твердаго въ группѣ Славянскихъ языковъ, равно какъ Нѣмецкимъ языкоислѣдователямъ нельзя было бы дать прочнаго основанія своей наукѣ безъ знакомства съ Готскимъ. Этотъ Церковный языкъ есть какъ-бы фокусъ, въ которомъ каждый славистъ долженъ усматривать отличающіяся формы нашихъ новѣйшихъ нарѣчій, и, разумеется, по этой нити онъ скоро найдетъ путь къ установленію законовъ.

Русскій языкъ господствуетъ своимъ сильнымъ распространеніемъ въ двухъ частяхъ свѣта. Значеніе его очевидно, и дѣлается годъ отъ году очевиднѣе, такъ-какъ Русская земля сильно вліяетъ на судьбы другихъ государствъ внутри и внѣ Европы, въ такой же степени и Русскій народъ приближается неустанно къ высшей степени силы и могущества. При чрезмѣрно богатыхъ средствахъ, просвѣщеніе съ каждаго года распространяется въ Русскомъ народѣ все больше, и литература Русская, находясь на высокой степени процвѣтанія въ самое короткое время опередила своихъ Славянскихъ сестеръ. Наконецъ Русскій языкъ, богатый полнозвучіемъ, благозвученъ, и въ своемъ строѣ клонится къ усовершенствованію частностей.

Не менѣе интересенъ и важенъ для насъ, какъ по своей выразительности, такъ и по богатству литературы, языкъ Польскій, по положенію своему—языкъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей; на первый взглядъ онъ чрезвычайно родственъ Чешскому. Ни въ одномъ изъ теперешнихъ Славянскихъ нарѣчій консонантизмъ не обозначился такъ ясно и не сохранился такъ цѣльно, какъ въ этомъ. 7 По тому-то свойственное Польскому языку произношеніе не мало затрудняетъ, не говорю уже иностранцевъ, но остальныхъ природныхъ Славянъ, требуя значительнаго навыка.

Наконецъ Польская рѣчь въ высокой степени обработана и въ грамматическомъ отношеніи, хотя нельзя не сказать, что въ древнѣйшія времена, до которыхъ мы можемъ прослѣдить ее историческимъ путемъ, она имѣла гораздо богатыя формы склоненія, чѣмъ въ настоящее время.

Въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоитъ Итальянскій языкъ къ Латинскому, находится Иллирскій къ Старославянскому. У обоихъ находятся и значительныя преимущества и значительные недостатки. Кому нравится плавность и легкость рѣчи, прекрасное равновѣсіе согласныхъ и гласныхъ, тотъ конечно найдетъ ихъ въ Иллирской рѣчи въ болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ у всѣхъ прочихъ Славянскихъ братьевъ. Въ силѣ и звучности первенство однако принадлежитъ другимъ, равнымъ образомъ и въ смягченіи согласныхъ, въ сравненіи напр. съ Польскою рѣчью, она остается далеко назади. Также и въ грамматической обработкѣ Иллирскій языкъ не остается назади прочихъ Славянскихъ, но и не опережаетъ ихъ. Литература его славится также не одними древнѣйшими, но и новыми произведеніями, все-таки однако должно ждать ея дѣйствительнаго расцвѣта отъ будущаго и уже недалекаго времени. Отраднымъ указаніемъ на то будетъ, что нѣкогда въ Южнославянскомъ мѣрѣ явится поэтъ, равный польскому Мицкевичу или нашему Пушкину.

О Чешскомъ языкѣ мы не будемъ распространяться. Всѣ мы, болѣе или менѣе, знаемъ и отдаемъ честь его достоинствамъ. Упомяну вкратцѣ только о томъ, что ни одному слависту въ языкознательныхъ изслѣдованіяхъ нельзя обойтись, не вникнувъ въ духъ Чешскаго языка, такъ-какъ эта вѣтвь сохраняетъ древнѣйшіе и богатѣйшіе, чѣмъ прочія, памятники своей тысячелѣтней литературы, служащіе для насъ нѣкоторымъ доказательствомъ значительнаго сходства въ формахъ Славянскихъ нарѣчій въ ту древнюю эпоху. Мы должны указать, какъ на особенность и характеристическую черту нынѣшняго, но никакъ не древняго, Чешскаго языка, на измѣненія въ составѣ Славянскихъ гласныхъ, которыя, на основаніи твердыхъ законовъ, измѣнившись изъ низкихъ въ высшія, замѣтно отличаютъ Чешскую рѣчь отъ остальныхъ.

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

Макса Мюллера.

Седьмая лекція.

О силѣ корней.

Выдѣливши изъ слова все, что есть въ немъ формальнаго, искусственнаго, понятнаго, мы получимъ въ остаткѣ нѣчто не чисто формальное, не составляющее результата грамматическаго искусства, не понятное, — что мы и называемъ *корнемъ*, или *основнымъ элементомъ*. Взявши напр. латинское слово *historicus*, историческій, мы прежде всего отбросимъ приставку латинскаго прилагательнаго *cus*, которая произвела *historicus* отъ *hīstōr*, или *historia*. Но *historia* производится посредствомъ приставки *ia*, образующей отвлеченныя имена женскаго рода, отъ греч. *hīstōr*, искаженнаго *istor*. Встрѣчаются однако обѣ формы; сильное предыханіе вмѣсто слабаго въ началѣ слова можно приписать діалектическимъ вліяніямъ. *īstōr*, въ свою очередь, разлагается на *is* и *tor*; *tōr* есть имен. пад. производной приставки *tar*, являющейся въ Лат. *da-tor*, Санскр. *dā-tar*, Греч. *do-tēr*, въ Русск. *тель*, *датель*. *Is* — коренной элементъ, коего *s* произошло отъ *d*, такъ какъ въ Греч. *d* непосредственно передъ *t* переходитъ въ *s*. Такимъ образомъ мы наконецъ получаемъ корень *īd*, содержащійся въ Греч. *oīdō*, знаю, Санскр. *veda* — неудвоенное прошедшее совершенное время отъ корня *vid* *вид-нть*, *вид-ать*, нѣм. *wissen*, англ. *to wit*

Итакъ, *histōr* первоначально значило—*вѣдѣ* (знающій), а *historia*—*вѣдѣніе*, знаніе. Далѣе корня *vid* мы не можемъ итти, и не въ состояніи сказать, почему *vid* значить видѣть, находить,—вѣдать. Мы немного выиграли бы, ссылаясь на предлогъ *vi*, который, какъ можно полагать, придавъ корню *vid* значеніе раздѣленія, различенія (*dis—cerno*). ¹⁾ Правда, есть то же сходство въ значеніи еврейскаго предлога *bēn*, между, и глагола *bî*, знать, но почему *bēn* значить между—это опять то же вопросъ, который нельзя надѣяться объяснить путемъ простаго этимологическаго анализа.

Все, что можно сказать относительно свойства арійскихъ корней, это то, что они имѣютъ опредѣленные формы и опредѣленные значенія. Какимъ бы хаотическимъ ни казалось происхожденіе языка нѣкоторымъ ученымъ, однако вѣрно то, что тутъ, какъ и во всѣхъ прочихъ предметахъ естествовѣдѣнія, слѣдуетъ стараться провести раздѣлительную черту между хаосомъ и космосомъ. Когда Арійскіе языки начали принимать свою индивидуальность, ихъ корни получили опредѣленный типъ какъ по формѣ, такъ и по значенію. Они уже перестали быть простыми восклицаніями съ измѣняющимися и неопредѣленными гласными, и съ согласными, колеблющимися между гортаннымъ и губнымъ прикосновеніемъ, между глухимъ, яснымъ или придыхательнымъ произношеніемъ. Они не были также просто выраженіями мгновенныхъ впечатлѣній, отдѣльныхъ, отрывистыхъ чувственныхъ состояній, не имѣвшихъ ни какой связи съ другими ощущеніями подобнаго или различнаго характера. Можетъ быть, языкъ, если онъ тогда заслуживалъ этого названія, находился извѣстное время въ такомъ хаотическомъ состояніи; даже есть почти въ каждомъ языкѣ нѣсколько незначительныхъ частей, относящихся, по-видимому, къ этому низшему періоду. Хотя междометія не могутъ считаться частями рѣчи, однако они все-таки тоже составныя части нашего языка, такъ

¹⁾ О предполагаемой первоначальной связи между *vi* и *dvi* см. Pott, *Etym. Forsch.* I, 705.—*Lectures of the Sc. of L.* by M. Müller, I, 44.—или въ Русскомъ переводѣ Г. Кайзера, *Наука о Языкѣ*, С. Петерб. стр. 32.

напр. шелканія Бушмэновъ и Готтентотовъ, которыя не безъ основанія принимаются за остатки животнаго языка. Далѣе, во многихъ языкахъ есть слова (если ихъ можно такъ называть), которыя состоятъ изъ простыхъ подражаній крикамъ животныхъ или звукамъ природы, и нѣкоторыя изъ нихъ стремленіемъ языка усвоены въ ряду именъ и глаголовъ.

Это тотъ самый классъ словъ, который Греки называли *onomatopoeia*, звукоподражанія. Но если *onomatopoeia* значитъ составленіе словъ, то еще не слѣдуетъ полагать, чтобы Греки приписывали происхожденіе всѣхъ словъ звукоподражанію. Это имъ никогда не приходило въ голову. Подъ *onomatopoeia* они понимали не настоящія слова, а составленныя, искусственныя, подражательныя слова, которыя всякій могъ составить подъ впечатлѣніемъ минуты. Даже самымъ древнимъ греческимъ философамъ языкъ былъ на столько извѣстенъ, чтобы понять, что ключа къ его тайникамъ нельзя было добыть такъ дешево. Если Аристотель ²⁾ слова называетъ подражаніями (*mimēmata*), то онъ подъ этимъ не понимаетъ тѣхъ прямыхъ подражаній, какъ мы, напр. называемъ корову «му», или собаку «вау—вау.» Его доводы, какъ и доводы Платона ³⁾ о языкѣ, слѣдуетъ считать въ связи съ доводами прежнихъ философовъ, Пифагора (540—510), Гераклита (503), Демокрита (430—410) и другихъ, чтобы убѣдиться, на сколько успѣли уже до нихъ, сколько было сдѣлано предположеній на счетъ языка и опять опровергнуто, прежде чѣмъ они въ свою очередь высказали свое сужденіе. Хотя до насъ дошли только скудныя, отрывочныя и загадочныя изреченія, приписываемыя упомянутымъ древнимъ мудрецамъ, однако ими достаточно доказывается, что они проникли за поверхность языка, и что дѣйстви-

²⁾ Rhet. III, I. τὰ γὰρ ὀνόματα μιμήματα ἐστίν, ὅπῃρ ἔστι δὲ καὶ ἡ φωνὴ πάντων μιμητικώτατον τῶν μορίων ἡμῶν.

³⁾ Plato, Gratylus. 423 B. Ὄνομα ἄρα ἐστίν, ὡς εἶπκε, μίμημα φωνῆς ἐκείνου ὃ μιμεῖται καὶ ὀνομάζει ὁ μιμούμενος τῇ φωνῇ, ὅταν μιῇται.

тельные трудности въ происхожденіи языка не ускользнули отъ ихъ вниманія. Переводя загадочныя и поэтическія изреченія Гераклита на нашу современную сухую и опредѣленную фразеологію, мы едва ли можемъ отдать имъ полную справедливость. Они совершенны, если на нихъ смотрѣть въ ихъ темныхъ гробницахъ, но распадаются въ прахъ, коль скоро до нихъ коснутся свѣтлые лучи нашей современной философіи. Если бы мы въ состояніи были проникнуть въ темныя катакомбы древней мысли, то явились бы среди мужей, которыхъ считали бы за великановъ, если бы они жили съ нами и могли бы говорить нашимъ языкомъ. Они, безъ сомнѣнія, имѣли то преимущество передъ нами, что взоры ихъ не были помрачены пылью, поднявшеюся въ войнахъ за слова, продолжающихся вотъ уже болѣе двухъ тысячелѣтій. Если намъ говорятъ, что главное различіе во мнѣніяхъ древнихъ философовъ, относительно природы и происхожденія языка, выражается двумя словами *phýsei* и *thései*, «естественно» и «искусственно», то мы мало узнаемъ изъ такихъ общихъ терминовъ. Мы должны знать исторію тѣхъ словъ, которыя были лозунгомъ каждой философской школы, прежде чѣмъ они стали простыми техническими терминами. У позднѣйшихъ софистовъ *thései*, *искусственно* или болѣе древнее *póthō*, по соглашенію, уже не имѣло того значенія, какъ у отцовъ Греческой философіи; иногда оно принимало даже противоположное значеніе. Чтобы доказать, что языкъ существуетъ по соглашенію, софистъ Гермогенъ утверждалъ, что яблоко могло быть названо сливою, а слива яблокомъ, если бы только въ этомъ согласились. ⁴⁾ Дру-

⁴⁾ Lersch, Sprachphilosophie der Alten, I, 28. Ammonius Hermias ad Aristot. de Interpret. 25 A. Οἱ μὲν οὕτω τὸ θέσει λέγουσιν ὡς ἕξον ὁτιοῦν τῶν ἀνθρώπων ἑκάστων τῶν πραγμάτων ὀνομάζειν ὅτι ἂν ἐθέλῃ ὀνόματι, καθάπερ Ἑρμογένης ἡξίου.... Οἱ δὲ οὐχ οὕτως, ἀλλὰ τίθεσθαι μὲν τὰ ὀνόματα ὑπὸ μόνου τοῦ ὀνομαζέτου, τοῦτον δὲ εἶναι τὸν ἐπιστήμονα τῆς φύσεως τῶν πραγμάτων, δίκαιον τῇ ἐκάστου τῶν ὄντων φύσει ἐπισημαζόντα ὄνομα, ἢ τὸν ὑπηρετούμενον τῷ ἐπιστήμονι.

гой ⁵⁾ съ торжествомъ указывалъ на своего раба, которому онъ далъ совершенно новое имя, назвавъ его «Однако», чтобы показать, что всякое слово можетъ быть знаменательнымъ. Если указывали на дѣйствіе проклятій, съ тѣмъ чтобы показать, что одаренныя такою силою слова не могутъ быть произведеніемъ человѣка, основаннымъ на соглашеніи, то эти аргументы въ пользу естественнаго происхожденія языка были не лучше другихъ. ⁶⁾

Не такъ разсуждалъ Гераклитъ или Демокритъ. Языкъ, которымъ они говорили, весь міръ мыслей, въ которомъ они жили, не позволяли имъ разсуждать о природѣ и происхожденіи языка, какъ разсуждали софисты, или какъ можемъ разсуждать мы. Они должны были говорить причтами, языкомъ полновѣсной, богатой мыслями, поэзіи, которую нельзя переводить безъ анахронизмовъ. Ихъ слова слѣдуетъ принимать такими, какъ они есть, во всей ихъ неопредѣленности и глубинѣ, но мы не должны судить о нихъ по этимъ словамъ такъ, какъ если бы они сказаны нами самими. Изреченіе, приписываемое Гераклиту, касательно языка, навѣрное принадлежитъ ему. Толкователи могли его исказить, но не изобрѣсти. Гераклитъ утверждалъ, что слова существуютъ *phýsei* (по естеству), но онъ не ограничивался такимъ техническимъ опредѣленіемъ. Онъ говоритъ, ⁷⁾ что слова подобны тѣнямъ вещей, отраженіямъ деревьевъ и горъ въ рѣкѣ, нашему собственному отраженію въ зеркалѣ. Это совершенно въ духѣ Гераклита; его изреченія—употреб-

⁵⁾ I. c. I, 42. Ammon. Herm. ad Aristot. de Interpret., 103. *Εἰ δὲ ταῦτα ὀρθῶς λέγεται, δῆλον ὡς οὐκ ἀποδεξόμεθα τὸν διὰ λεχτικὸν Διόδωρον πᾶσαν οἰόμενον φωνὴν σημαντικὴν εἶναι, καὶ πρὸς πίστιν τοῦτου καλέσαντα τῶν ἑαυτοῦ τινὰ οἰκετῶν τῷ συλλογιστικῷ συνδέσμῳ Ἀλλ' ἄμην καὶ ἄλλον ἄλλῳ συνδέσμῳ ποίαν γὰρ ἔξουσιν αἱ τοιαῦται φωναὶ σημασίαν φύσεώς τινος ἢ ἐνεργείας ἢ πάθους, καθάπερ, τὰ ῥήματα χαλεπὸν καὶ πλάσαι.*

⁶⁾ Lersch, 44.

⁷⁾ Lersch, I, XI. Ammon. ad Arist. de Int., 24 B. ed. Ald.

лая его собственное сравненіе—⁸⁾ всегда подобны золотымъ зернамъ безъ всякихъ примѣсей, которыя философамъ всегда приходится отдѣлять, прежде чѣмъ они могутъ открыть одну истину. Говорятъ также, будто онъ сказалъ, что употребить какія-либо слова, исключая предлагаемыхъ для каждаго предмета природою, не значить говорить, а только производить шумъ. Намъ неизвѣстно навѣрное, что Гераклитъ хотѣлъ этимъ сказать, или что онъ понималъ подъ словомъ «природа», если онъ его вообще употребилъ; но во всякомъ случаѣ мы знаемъ, что онъ не былъ того мнѣнія, будто человѣкъ придавалъ окружающимъ его предметамъ имена, какія ему вздумалось. Въ столь отдаленное отъ насъ время, когда жилъ Гераклитъ, только истинный философъ могъ сдѣлать подобное замѣчаніе и обратить свои мысли на эту задачу, не зная всѣхъ нашихъ правилъ логики, риторики и грамматики. Обыкновенно полагаютъ, что какъ во всѣхъ прочихъ вопросахъ, такъ и въ отношеніи къ языку, Демокритъ имѣлъ взглядъ противоположный темному мыслителю, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ приписывалъ происхожденіе языка искусству, соглашенію, *thésis*. Но эти выраженія не болѣе, какъ намѣкъ на значеніе *thésis*. Многоглаголивые аргументы, приписываемые ему ⁹⁾

⁸⁾ Bernays, Neue Bruchstücke des Heraclitus von Ephesus, Rheinisches Museum für Philologie, X, 242. χρυσόν οἱ διζήμενοι πολλὴν ὀρύσσουσι καὶ ἀρίσκουσι ὀλίγον. Clemens Stromat. IV. 2, 365 P.

⁹⁾ Lersch, I. 14. Proclus, ad Plat. Crat., 6. Ὁ δὲ Δημόκριτος θέσει λεγὼν τὰ ὀνόματα, διὰ τεσσάρων ἐπιχειρημάτων τοῦτο κατεσκεύαζεν· ἐκ τῆς ὁμωνυμίας· τὰ γὰρ διάφορα πράγματα τῷ αὐτῷ καλοῦνται ὀνόματι· οὐκ ἄρα φύσει τὸ ὄνομα· καὶ ἐκ τῆς πολυωνυμίας· εἰ γὰρ διάφορα ὀνόματα ἐπὶ τὸ αὐτό καὶ ἐν πράγματι ἐφαρμόσουσιν, καὶ ἐπάλληλα, ὅπερ ἀδύνατον· τρίτον ἐκ τῆς τῶν ὀνομάτων μεταθέσεως· διὰ τί γὰρ τὸ Ἀριστοκλέα μὲν Πλάτωνα, τὸν δὲ Τύρταμον Θεόφραστον μετωνομάσαμεν, εἰ φύσει τὰ ὀνόματα; ἐκ δὲ τῆς τῶν ὁμοίων ἐλλείψεως· διὰ τί ἀπὸ μὲν τῆς φρωνήσεως λέγομεν φρονεῖν, ἀπὸ δὲ τῆς δικαιοσύνης οὐκ ἔτι παρωνομάζομεν; τύχη ἄρα καὶ οὐ φύσει τὰ ὀνόματα.

въ подтвержденіе его теоріи, отзываются новѣйшею мыслию, но притчи, приводимыя подъ его именемъ, навѣрное принадлежать ему. Демокритъ называлъ слова звуковыми изображеніями, *agálmata phônēnta*, въ чемъ мы снова видимъ сильное выраженіе древней философіи. Слова—это не естественныя изображенія, отражаемыя природою въ зеркалѣ души, они—картины, произведенія искусства, но только не на камнѣ или металлѣ, а въ звукѣ. Таково было мнѣніе Демокрита, и мы должны остерегаться, чтобы не придать его словамъ значенія, переступающаго предѣлы его собственныхъ намѣреній. Если перевести *théseí* словомъ «искусственно» то это «искусственно» не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ произвола; перевода *póntō* чрезъ «соглашеніе,» не слѣдуетъ думать о случайности. Этотъ же философъ сказалъ бы напр., что сладкое и кислое, теплое и холодное, также основывается на соглашеніи, *théseí*, но никакъ не на произволѣ. Спорные крики *phýsei* и *théseí*, повторяющіеся во всю исторію этой древней борьбы мыслей, обнимали не только философскіе интересы, но и политическіе, нравственные и религіозные. Мы лучше всего поймемъ ихъ значеніе, наблюдая ихъ примѣненіе къ нравственнымъ идеямъ. Филолай, извѣстный Пифагорейскій философъ, полагалъ, что добродѣтель существуетъ по природѣ, а не по установленію. Этимъ онъ хотѣлъ сказать то же самое, что мы понимаемъ, если говоримъ, что добродѣтель не есть изобрѣтеніе людей, согласившихся называть извѣстныя дѣла одни добрыми, другія дурными, а что въ насъ есть голосъ совѣсти, обнаруженіе божественнаго закона, независимое отъ человѣческихъ постановленій и преданій, ясное и неопровержимое. Даже философы, утверждавшіе, будто нравственность есть не что иное, какъ только другое названіе законности, и добро и зло—не болѣе какъ простыя условныя выраженія, твердо отстаивали большое различіе между закономъ и произволомъ индивидуума. То же относится и къ языку. Когда Демокритъ въ словахъ видитъ не отраженіе природы, или ея отголосокъ, а произведенія искусства въ звукѣ, то онъ

этимъ вовсе не желаетъ унижить языкъ до простаго набора звуковъ. Напротивъ, если бы онъ, съ своею терминологіею, приписалъ языкъ природѣ, которая, по его представленію, была просто соединеніемъ атомовъ, то онъ показалъ бы этимъ менѣе глубокое пониманіе природы языка, меньшее вниманіе къ закону и порядку, проникающимъ языкъ. Языкъ, говоритъ онъ, существуетъ по постановленію; но какъ онъ долженъ былъ охранять свои слова отъ возможныхъ недоразумѣній, и протестовать противъ смѣшенія двухъ понятій «условно» и «произвольно», можно заключить изъ выраженія, приписываемаго ему позднѣйшимъ схолиастомъ, т. е. что слова—это звуковые образы, но они созданы не человѣческими руками, а самими богами.¹⁰⁾ Смѣлость и точность такихъ выраженій служатъ самымъ лучшимъ ручательствомъ за ихъ неподдѣльность, и оставить ихъ безъ вниманія какъ изобрѣтенія позднѣйшихъ писателей—значило бы крайне пренебрегать мѣриломъ, посредствомъ котораго мы отличаемъ древнюю мысль отъ новѣйшей.

Однако наша задача состоитъ не въ изслѣдованіи взглядовъ древнихъ философовъ на природу языка, что намъ, я опасаюсь, никогда не удастся,—мы желаемъ только охранить ихъ память отъ оскорбленій, и имена ихъ отъ злоупотребленія для санкціи поверхностныхъ мудрствованій позднѣйшихъ вѣковъ. Достаточно уже того, если мы ясно поймемъ, что Греки не считали языкъ просто за *опоматороеіа*, хотя это слово буквально значить составленіе именъ. Я не берусь объяснить слѣдующія слова Пифагора, «самое мудрое на свѣтѣ—число, и послѣ него то, что даетъ имена;»¹¹⁾ но я увѣренъ въ томъ, что подъ вторымъ, представляя его даже какъ человѣческое существо, какъ самаго древняго и мудраго человѣка,¹²⁾ Пифагоръ

¹⁰⁾ Olympiodorus ad Plat. Philebum, 242, ὅτι ἀγάλματα φωνήεντα καὶ ταῦτα ἐστὶ τῶν θεῶν, ὡς Δημόκριτος. Странно, что Лершъ, приводя это мѣсто (III. 19), тѣмъ не менѣе приписываетъ Демокриту мнѣніе чисто-человѣческаго происхожденія языка (I. 13).

¹¹⁾ Lersch, I. c. 25.

¹²⁾ Тамъ же I. c. 27.

эагоръ понималъ не того человѣка, который услыхалъ мычаніе коровы, сѣумѣлъ повторить этотъ звукъ и устанovitъ его какъ имя этого животнаго. Что касается до Платона и Аристотеля, то ихъ едва ли нужно защищать противъ обвиненія, будто они приводили языкъ къ опoтаторoείa. Даже Эпикуръ, которому приписываютъ мнѣніе, что при первомъ образованіи языка человѣкъ дѣйствовалъ безсознательно, по побужденію природы, какъ напр. при кашлѣ, чиханіи, бляніи, лаѣ или вздохѣ, — даже онъ допустилъ, что этимъ объяснялась бы только одна половина языка, и что въ нѣкоторой степени, должно быть, было соглашеніе прежде чѣмъ языкъ дѣйствительно начался, прежде чѣмъ одинъ человѣкъ понималъ, что другой хотѣлъ выразить этими неуклюжими средствами.¹³⁾ Въ этомъ Эпикуръ обнаруживаетъ болѣе вѣрное пониманіе природы языка, чѣмъ многіе, теперь увѣряющие, что принимаютъ его теоріи. На то возраженіе, что если слова доставлены природою, то они должны бы быть однѣ и тѣже во всѣхъ странахъ, онъ отвѣтилъ замѣчаніемъ, которымъ онъ упредилъ Гумбольдта, т. е. что человѣческая природа въ различныхъ странахъ находится подъ различными вліяніями, что о вещахъ образуются различные взгляды, и что эти различные взгляды и влія-

¹³⁾ Diogenes Laërtius, Epicurus, §. 75. "Οθεν καὶ τὰ ὀνόματα εἰς ἀρχῆς μὴ θέσει γενέσθαι, ἀλλ' αὐτάς τὰς φύσεις τῶν ἀνθρώπων καθ' ἕκαστα ἔθνη ἴδια πασχούσας πάθη, καὶ ἴδια λαμβάνουσας φαντάσματα, ἰδίως τὸν ἀέρα ἐκπεμπειν, στελλόμενον ὑφ' ἑκάστων τῶν πάλων καὶ τῶν φαντασμάτων ὡς ἂν ποτε καὶ ἡ παρὰ τοὺς τόπους τῶν ἔθνων διαφωρὰ εἴη. Ὑστερον δὲ κοινῶς καθ' ἕκαστα ἔθνη τὰ ἴδια τεθῆναι, πρὸς τὸ τὰς δηλώσεις ἤττον ἀμφιβόλους γενέσθαι ἀλλήλοις, καὶ συντομωτέρως δηλουμένας τινὰ δὲ καὶ οὐ συνωρῶμενα πράγματα εἰσφέροντας, τοὺς συνειδότες παρεγγυῆσαι τινὰς φθογγούς ὧν τοὺς μὲν ἀναγκασθέντας ἀναφωνῆσαι, τοὺς δὲ τῷ λογισμῷ ἐλομένους κατὰ τὴν πλείστην αἰτίαν οὕτως ἐρμηνεύσαι. —

нія дѣйствуютъ на образованіе словъ особенно для каждой націи. Онъ понималъ, что звуки природы не могли сложиться въ членораздѣльный языкъ, не прошедши чрезъ вторую степень, которую онъ представляетъ какъ соглашеніе или умѣнье употреблять извѣстный звукъ для извѣстнаго понятія. Если замѣнимъ эту Эпикурову идею условнаго соглашенія идей, не существовавшей въ его время, полною обработкою которой мы обязаны генію *Дарвина*; если вмѣсто слова *соглашеніе* замѣнимъ выраженіемъ—*естественный подборъ*, то тогда, я думаю, мы достигнемъ соглашенія съ Эпикуромъ и съ нѣкоторыми изъ его новѣйшихъ послѣдователей. Какъ число получаемыхъ человекомъ чувственныхъ впечатлѣній производитъ умственную картину или представленіе, и какъ, во-вторыхъ, число такихъ представленій производитъ общее понятіе, точно также можно понять, что число чувственныхъ впечатлѣній можетъ вызвать соответственное звуковое выраженіе, крикъ, восклицаніе, или подражаніе звуку, случайно образуящему часть чувственныхъ впечатлѣній, и потомъ, что число такихъ звуковыхъ впечатлѣній можетъ слиться въ одно общее выраженіе и дать въ результатъ корень, какъ знакъ, принадлежащій одному общему понятію. Но какъ у человѣка есть разумъ, которымъ управляется развитіе чувственныхъ впечатлѣній въ представленія, и представленій въ общія понятія, такъ же точно и образованіе корней изъ простыхъ природныхъ криковъ или звукоподражаній происходитъ подъ тѣмъ же разумнымъ контролемъ. Общія понятія образуются не случайно, не произвольно, а по законамъ, которые составляютъ нашъ внутренній разумъ, соответствующій, такъ сказать, разуму природы. Естественный выборъ непременно будетъ и разумный выборъ. Не случайное видоизмѣненіе сохраняется и продолжаетъ свое существованіе, а побѣдителемъ въ великой борьбѣ за существованіе выходитъ та особь, которая ближе всего соответствуетъ первоначальному намѣренію Творца,—то, что наиболѣе соответствуетъ цѣлямъ, для которыхъ типъ или видъ, къ которымъ оно принадлежитъ, были вызваны

къ жизни. Это относится и къ мысли и языку. Не всякое случайное представлѣніе возводится въ общее понятіе, а только постоянно повторяющееся, самое сильное, наиболѣе пригодное. Изъ всего безчисленнаго множества общихъ понятій, представляющихся наблюдающему и анализирующему уму, только тѣ остаются и получаютъ определенное звуковое выраженіе, которыя необходимо нужны будутъ въ жизни. Многія представленія, естественно возникающія въ нашемъ умѣ, никогда не были подведены подъ общія понятія, слѣдовательно, и не получили названія. Нѣтъ общаго понятія, которое обнимало бы всѣ голубые цвѣты или всѣ красные камни; нѣтъ названія, которое включало бы лошадей и собакъ, и исключало бы ковъ и овецъ. Въ Греческомъ языкѣ нѣтъ слова для обозначенія животнаго въ противоположность человѣку, и слово *zōon*, подъ которымъ какъ и подъ словомъ *animal*, животное, подразумѣваются всѣ живыя существа, есть произведеніе послѣ—Гомеровскихъ временъ. ¹⁴⁾ Локкъ обратилъ вниманіе на то, что въ Англійскомъ есть особое слово для умерщвленія человѣка, *murder*, между тѣмъ какъ умерщвленіе овцы не выражается особымъ словомъ; есть особое слово для умерщвленія отца—*parricide*, но не для умерщвленія сына или сосѣда. Такимъ образомъ, пишетъ онъ ¹⁵⁾, въ смѣшанныхъ видахъ умъ произвольно соединяетъ въ одно цѣлое такія идеи, какія ему кажутся удобными, между тѣмъ какъ другія, имѣющія въ природѣ такую же связь между собою, остаются раздѣльными и не сочетаются въ одну идею, потому что онѣ не нуждаются въ одномъ общемъ названіи. Далѣе онъ говоритъ: «слова *colshire*, *drilling*, *filtration*, *cohabitation* стоять вмѣсто извѣстныхъ сочетаній мыслей, и понятны обыкновенно только кузнецамъ и химикамъ, у которыхъ они встрѣчаются на каждомъ шагѣ при ихъ занятіяхъ; они легко воспринимаютъ такія понятія своимъ умомъ, потому что ими же составлены сложныя понятія, которыя выра-

¹⁴⁾ Curtius, Grundzüge I, 78

¹⁵⁾ Locke, On the Understanding, III, 5, 6.

жаются этими словами, и они же дали имъ названія или заняли ихъ у другихъ; подъ словомъ соhovation напр. они тогчасъ понимаютъ всѣ простыя понятія дистиллировки и обратнаго поливанія очищенной жидкости на остающееся вещество, и вторичной дистиллировки. Итакъ мы замѣчаемъ, что существуетъ большое множество простыхъ представленій напр. изъ области вкуса и обонанія, вовсе не получившихъ названій; и еще болѣе разнообразія въ видахъ, которые не получили названія и оттого не составили рода,¹⁶⁾ потому что или не были наблюдаемы въ достаточно общихъ чертахъ, или же не оказались достойными вниманія въ человѣческихъ дѣлахъ и интересахъ.

Вообще, если возникаютъ новыя сочетанія и все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ самостоятельность, то они наконецъ въ самомъ дѣлѣ получаютъ доступъ въ республику мысли и слова. Это относится еще болѣе къ древнимъ временамъ, чѣмъ къ новѣйшимъ, болѣе къ раннимъ періодамъ языка, чѣмъ къ настоящему его состоянію. Когда понятія объ отцѣ, матери, братѣ, сестрѣ, супругѣ впервые были составлены и произнесены, то это было событіемъ въ исторіи человѣчества; новая эра наступила, когда образовались числительныя отъ единицы до десяти, и когда въ человѣческомъ словарѣ прибавились слова: законъ, право, долгъ, добродѣтель, великодушіе, любовь и др., это было откровеніе величайшее изъ откровеній, когда впервые въ этомъ мірѣ выразилось въ звукѣ понятіе о Творцѣ, Правителѣ, Отцѣ человѣчества, о Богѣ. Таковы были общія понятія, въ которыхъ нуждались и которыя были составлены для умственного обихода. Возникали и другія понятія, существовали извѣстное время,—и исчезали, коль скоро оказывались ненужными. Пока наша умственная жизнь еще не попадетъ въ застой, будутъ и будутъ возникать новыя понятія и получать крещеніе языка. Кто думалъ, напримѣръ, о переворотахъ, произведенныхъ усиліями отдѣльныхъ личностей, для проведенія которыхъ, впрочемъ,

¹⁶⁾ Locke, тамъ же, II. 18, 5.

эти частныя усилія могли бы показаться совершенно тщетными, не ощущая при этомъ недостатка въ такомъ словѣ, т. е., на самомъ дѣлѣ, въ такой идеѣ, которая обнимала бы собою вліяніе личности на общество и общества на личность—въ такой идеѣ, которая объяснила бы намъ неудачу Гусса въ преобразованіи Церкви, и успѣхъ Лютера, поражение Питта въ проведеніи парламентской реформы, и успѣхъ Росселя? Какъ выразить тотъ историческій процессъ, въ которомъ индивидуумъ кажется свободнымъ дѣятелемъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ рабъ толпы, на которую желаетъ оказать свое вліяніе,—процессъ, въ которомъ масса кажется неодолимою, и все-таки управляется перомъ неизвѣстнаго писателя? Или—чтобы упростить вопросъ—скажемъ: какимъ образомъ поэтъ дѣлается популярнымъ? Почему преобладаетъ одинъ какой нибудь новый стиль искусства или архитектуры? Отчего мѣняется мода? Почему принимается въ этомъ году то, что казалось нелѣпымъ въ прошломъ, и чѣмъ восхищаются въ нынѣшнемъ сезонѣ, дѣлается смѣшнымъ въ слѣдующій сезонъ? Обратимся къ самому языку. Отчего происходитъ, что иногда принимается новое слово, какъ напр. *to shunt* (переходить изъ однихъ рельсовъ въ другіе), или новое произношеніе, какъ напр. *gold* вм. *goold*, между тѣмъ какъ въ другое время совершенно пренебрегаютъ наилучшими новообразовавшимися словами, или такими, которыя вновь оживлены лучшими писателями? Намъ нужно понятіе, которое должно исключать какъ прихоть, такъ и необходимость, и которое заключало бы личный трудъ, равно какъ и общее содѣйствіе,—такое понятіе, которое не было бы примѣнимо ни къ бессознательному строенію пчелъ, ни къ сознательной архитектурѣ человѣческихъ существъ, но обобщало бы обѣ эти операціи, и возводило бы ихъ къ новому высшему понятію. Вы отгадаете какъ понятіе, такъ и слово, если я прибавлю, что оно также должно объяснить истребленіе царствъ ископаемыхъ и происхожденіе новыхъ видовъ, это—понятіе *естественнаго подбора*, и такъ какъ въ немъ чувствовалась потребность, то его нашли, а разъ его нашли, ему тотчасъ-же дали

и названіе. Это новая категорія, новая машина мысли; и если натуралисты гордятся тѣмъ, что могутъ давать новымъ открытымъ ими видамъ свое имя, то Дарвинъ можетъ еще болѣе гордиться, потому что его именемъ будетъ обозначаться новое понятіе, новый родъ мысли.

Есть языки, въ которыхъ счетъ не идетъ дальше четырехъ; все, что свыше четырехъ, приводится къ понятію *много*. Есть діалекты, ¹⁷⁾ какъ напр. Гавайскій, въ которыхъ не различаются между собою синій, черный и темнозеленый цвѣта, или свѣтложелтый и бѣлый, или коричневый и красный. Это происходитъ не отъ тупости чувства, ибо Гавайцы легко замѣчаютъ самые слабые оттѣнки цвѣта, но отъ умственной ихъ вялости. Такимъ же образомъ, говорятъ, у Гавайцевъ есть только одно выраженіе для понятія любви, дружбы, благодарности, доброжелательства, уваженія и т. д.; всѣ эти понятія они называютъ безъ различія однимъ словомъ *aloha*; но этотъ же народъ дѣлаетъ различіе между *apeane*, слабый вѣтеръ, *matani*, вѣтеръ, *puhi*, дуновение чрезъ ротъ, и *hano*, дуновение чрезъ носъ, удушье ¹⁸⁾ Тоже самое мы находимъ въ низшихъ классахъ нашей страны; люди, которые не говорятъ, напр. «*quadruped, mineral, beverage,*» имѣютъ различныя названія для хвоста лисицы, собаки и зайца. ¹⁹⁾

Кастренъ, первый знатокъ по части языковъ, литературы и цивилизаціи сѣверныхъ Туранскихъ племенъ, какъ-вы Финны, Лаппы, Татары и Монголы, говоритъ объ этихъ племенахъ, что у нихъ нѣтъ слова для рѣки, но есть названія самыхъ малыхъ ручейковъ; нѣтъ слова для пальца вообще, но есть отдѣльно названіе для большого пальца, для указательнаго пальца и т. п.; нѣтъ слова вообще для ягодъ, но есть много названій брусники, земляники, и т. п.; нѣтъ слова для дерева, но есть названія березы, сосны, ясени и другихъ деревъ. ²⁰⁾ Въ другомъ мѣстѣ (стр. 18) онъ говоритъ, что въ Финскомъ языкѣ слово для названія большого

¹⁷⁾ The Polynesian, September 27, 1862.

¹⁸⁾ Hale, Polynesian Lexicon, s. v.

¹⁹⁾ Pott, Etymologische Forschungen, II. 439.

²⁰⁾ Vorlesungen über Finnische Mythologie, 11.

пальца постепенно приняло значеніе пальца вообще, а слово для голубки (*empetrum nigrum*) перешло въ названіе ягоды. Но и эти, самыя спеціальныя названія, на самомъ дѣлѣ оказываются общими выраженіями, обозначившими первоначально общее качество; притомъ они и не могли образоваться инымъ способомъ. Трудно войти въ положеніе такихъ людей, для которыхъ главнымъ занятіемъ жизни было составленіе новыхъ понятій и новыхъ словъ.²¹⁾ Представимъ себѣ, что у насъ нѣтъ названія для собаки; что бы мы сдѣлали? Если бы мы съ вполне развитымъ языкомъ въ первый разъ познакомились съ собакою, мы вѣроятно нашли бы какое-нибудь сходство между нею и другимъ какимъ-либо животнымъ, и дали бы ей соответствующее названіе. Мы могли бы назвать ее ручнымъ волкомъ, по примѣру жителей острова Маликоло,²²⁾ которые называли собакъ *brooas*, т. е. своимъ именемъ для свиньи, когда они въ первый разъ увидели собакъ, присланныхъ къ нимъ съ Острововъ Товарищества. Тоже самое случилось на островѣ Танна, гдѣ жители называли сабакъ свиньями (*buga*). Но очень скоро неспособность различать собаку отъ свиньи стала бы ощутительнымъ неудобствомъ, и пришлось бы отыскивать какой-нибудь отличительный признакъ собаки, по которому можно было бы назвать ее. Этого можно бы достигнуть подражаніемъ лаю этого животного, называя его «вау-вау»; но странно, едва ли найдется цивилизованный языкъ, въ которомъ собака получила бы этимъ путемъ свое имя. Вотъ что, напротивъ того, также могло быть. Умъ получилъ многочисленныя впечатлѣнія отъ всего, что входило въ его кругъ зрѣнія. Собака не представилась ему вдругъ въ достаточно опредѣленномъ видѣ, но она наблюдалась съ различныхъ точекъ зрѣнія—то какъ дикое животное, то какъ товарищъ, иногда какъ хранитель, или какъ воръ, или же какъ быстрый охотникъ, какъ трусъ, какъ нечистая тварь. По каждому изъ этихъ впечатлѣній могло образоваться названіе, и послѣ нѣкотораго времени

²¹⁾ Daniel Wilson, Prehistorie Man, глава III.

²²⁾ Pott, Etym. Forsch. II. 138.

естественный выборъ сократилъ бы число этихъ названій, оставивъ только нѣкоторыя изъ нихъ, или даже только одно, которое, какъ напр. *canis*, стало бы настоящимъ именемъ собаки.

Но чтобы можно было дать какое-либо изъ этихъ названій, надобно было, чтобы сперва образовались въ умѣ и получили выраженіе въ языкѣ такія общія понятія, какъ напр. слѣдованіе, храненіе, воровство, бѣганіе, покой и т. д. Эти общія понятія выражаются корнями. Такъ какъ это простыя и первичныя понятія, то они и выражаются болѣе простыми и первообразными корнями, между тѣмъ-какъ сложныя понятія получили выраженіе въ производныхъ корняхъ. Такъ напр. *ga* значить итти, а *garp* ползти, *pa* восклицать, *paṇ* радоваться; *yu* соединять, *ya* итти, крѣпко соединять, склеивать. Такимъ образомъ мы находимъ въ Санскритскомъ и во всѣхъ вообще Аріійскихъ языкахъ группы корней, выражающихъ одно общее понятіе, но различающихся между собою только одною или двумя прибавочными буквами въ концѣ или въ началѣ. Самымъ естественнымъ предположеніемъ въ этомъ случаѣ будетъ то, что а сей часъ привелъ, т. е., когда понятія развивались и размножались, то и простые корни возрастали и видоизмѣнялись. Но и противоположный взглядъ можно защищать, т. е. что языкъ начался разнообразіемъ, что много специальныхъ корней было утрачено, и изъ нихъ вырабатаны болѣе общіе корни, выпуская тѣ буквы, которыя составляли свойственныя отличія каждаго отдѣльнаго корня.

Много можно сказать въ пользу того и другаго взгляда, и очень возможно, что оба процесса, какъ приращеніе, такъ и выборъ, дѣйствовали одновременно. Но даже самый древній изъ Аріійскихъ языковъ, Санскритскій, извѣстенъ намъ только съ тѣхъ поръ, когда онъ уже давно прошелъ чрезъ корневую и спайную фазы, и мы навѣрное никогда не узнаемъ, какъ медленно и сколькими ступенями онъ миновалъ обѣ фазы и установился какъ флексивный языкъ. Поставленный хронологически вопросъ о томъ, что существовало раньше — *garp* или *ga*, нераз-

рѣшимъ, но логически, во всякомъ случаѣ, *saṅ* было прежде; однако, изъ исторіи рѣчи намъ достаточно извѣстно, что часто то, что должно бы быть согласно съ строгими законами логики, совершенно различно отъ того, что произошло по требованіямъ языка. ²³⁾

Весьма важно то явленіе, что изъ всевозможныхъ общихъ понятій и изъ всѣхъ возможныхъ общихъ выражений чрезъ процессъ естественнаго подбора только тѣ стали типичны въ каждомъ языкѣ, которыя мы нынѣ называемъ корнями, плодоносными началами каждаго языка. Эти корни опредѣлены въ формѣ и значеніи; они—*звуковые типы*, ясные въ своемъ начертаніи, хотя все еще подлежатъ значительнымъ видоизмѣненіямъ; они—*специфическіе центры* языка, и безъ нихъ наука объ языкѣ была бы немыслима.

Все это можетъ выясниться на нѣсколькихъ примѣрахъ. Возьмемъ корень и прослѣдимъ его въ его странствованіяхъ по свѣту. Есть Арійскій корень *Mag*, который значитъ раздроблять, толочь, истирать, измалывать. Не скажу, чтобы было ошибочно полагать, что въ этомъ корнѣ замѣтенъ скрипящій шумъ двухъ твердыхъ тѣлъ, трущихся одно объ другое. Наши идіосинкрасіи на счетъ природы извѣстныхъ звуковъ, безъ сомнѣнія, очень значительно образовались подъ незамѣтнымъ вліяніемъ языковъ, на которыхъ мы говоримъ, или съ которыми мы знакомы. Совершенно справедливо также и то, что скрипящій шумъ въ различныхъ языкахъ передается весьма различно. Но такъ какъ есть корень *mag* съ значеніемъ измалыванія, то совершенно естественно воображать, что въ немъ слышно что-то въ родѣ шума двухъ жернововъ, или машины, скоблящей металлъ. ²⁴⁾ Замѣтимъ

²³⁾ О группахъ корней или о постепенномъ ростѣ корней, см. нѣкоторые интересныя замѣчанія Бенфея, *Kurze Sanscrit. Grammatik*, § 60 слѣд. и Pott, *Etym. Forsch.* II, 283. Bopp, *Vergl. Grammatik*. § 109 а, 3. 109 б. 1.

²⁴⁾ Замѣчательны слѣдующія замѣтки Св. Августина объ этомъ предметѣ: «*Donec perveniatur eo ut res cum sono verbi aliqua similitudine*

туть же различіе между простымъ подражаніемъ нерасчлененнаго стонущаго и кряхтящаго шума, происходящаго отъ тренія твердыхъ тѣлъ, и членораздѣльнымъ звукомъ *mar*. Всякое возможное сочетаніе согласныхъ съ конечнымъ *r* или *l* предлагалось для этой цѣли: *кр*, *тр*, *чр*, *лр*; всѣ они соотвѣтствовали бы цѣли и могли быть примѣняемы, такъ какъ они всѣ намъ извѣстны уже прежде перваго начала членораздѣльной рѣчи. Но какъ скоро *mr* получило преимущество, всѣ остальные сочетанія были оставлены; сочетаніе *mr* побѣдило и такимъ образомъ стало предкомъ огромной семьи словъ. Но чтобы прослѣдить исторію этого корня *mar* въ восходящемъ и развѣтвляющемся направленіи, чтобы прослѣдить его побѣги назадъ въ нисходящей линіи къ этому

concinat, ut cum dicimus aeris tinnitum, equorum hinnitum, ovium balatum, tubarum clangorem, stridorem catenarum (perspicis enim haec verba ita sonare ut ipsae res quae his verbis significantur). Sed quia sunt res quae non sonant, in his similitudinem tactus valere, ut si leniter vel aspere sensum tangunt, lenitas vel asperitas literarum ut tangit auditum sic eis nomina peperit: ut ipsum lene cum dicimus leniter sonat, quis item asperitatem non et ipso nomine asperam judicet? Lene est auribus cum dicimus voluptas, asperum cum dicimus crux. Ita res ipsae adficiunt, ut verba sentiuntur. Mel, quam suaviter gustum res ipsa, tam leniter nomine tangit auditum, acre in utroque asperum est. Lana et vepres ut audiuntur verba, sic illa tanguntur. Haec quasi cunabula verborum esse crediderunt, ubi sensus rerum cum sonorum sensu concordarent. Hinc ad ipsarum inter se rerum similitudinem processisse licentiam nominandi; ut cum verbi causa crux propterea dicta sit, quod ipsius verbi asperitas cum doloris quem crux efficit asperitate concordat, crura tamen non propter asperitatem doloris, sed, quod longitudine atque durtia inter membra cetera sint ligno similiora sic appellata sint.» — Augustinus, De dialectica, поправлено Crecelius'омъ въ Hoefer's Zeitschrif, IV, 152.

специфическому зародышу, нужно быть въ состояніи объяснить всѣ позднѣйшія видоизмѣненія, происшедшія отъ звуковыхъ или этимологическихъ законовъ; во всѣхъ различныхъ образахъ камень долженъ остаться одинъ и тотъ же, и во всѣхъ его различныхъ искаженіяхъ причины, производшія вредъ, должны быть явны.

Я начну съ корня *mag*, приписавши ему значеніе растиранія, измалыванія. Ни въ одномъ словѣ, произведенномъ отъ *mag*, не должно быть звуковаго измѣненія, —приращенія, утраты или искаженія—которое не поддерживалось бы аналогіей; во всѣхъ понятіяхъ, выражаемыхъ этими словами, всегда должно быть соединяющее звено, посредствомъ котораго самыя возвышенныя и отвлеченныя понятія посредственно или непосредственно могли бы быть связаны съ первоначальнымъ понятіемъ измалыванія, растиранія. Въ звуковомъ анализѣ все фантастическое и случайное исключается; все, что не основывается на случаяхъ, прежде бывшихъ, не признается. Напротивъ того, въ сѣти понятій, которую соткалъ Аріискій умъ изъ одного этого простаго понятія, мы должны ожидать не только правильнаго происхожденія логической мысли, но часто и поэтическаго полета фантазіи. Произведеніе новыхъ словъ основывается столько же, если не болѣе, на поэзіи, сколько и на сужденіи. Исключать поэтическій элементъ въ ранніе періоды исторіи человѣческой рѣчи—значило бы лишать себя самаго важнаго пособия въ открытіи ея первыхъ началъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ обзорѣнію этой семьи словъ, мы должны взять въ соображеніе, что

1. *g* и *l* сродны и взаимно-замѣнимы: *mag*=*mal*.
2. *ag* въ Санскритскомъ языкѣ сокращается въ простую гласную *i*: *mag*=*mgi*.
3. *ag* можетъ произноситься какъ *ga*,²⁵⁾ а *al* какъ *la*: *mag*=*mga*; *mal*=*mla*.
4. *mag* и *mla* въ Греческомъ языкѣ переходятъ въ *mbro*, *mblo* и, утрачивая *m*, въ *bgo* и *blo*.

²⁵⁾ Санскр. *mardita* и *mradita*, онъ разотретъ, будущее вр. отъ *mard*.

Въ Санскритѣ встрѣчается слово *malana* въ смыслѣ тренія или измалыванія, но отъ него въ этомъ языкѣ, кажется, не образовалось никакого названія для мельницы. Это обстоятельство можетъ быть важно въ историческомъ отношеніи, показывая, что настоящія мельницы не были извѣстны прежде Арійскаго раздѣленія. Въ Латинскомъ, Греческомъ, Нѣмецкомъ, Кельтскомъ и Славянскомъ языкахъ названіе мельницы происходитъ отъ корня *mar*; Лат. *mola*, ²⁶⁾ Греч. *mûlē*, Др.-В. Герм. *muli*, Ирл. *meile*, Чешск. *mlýn*, Лит. *malūnas*, Русск. *мельница*. Изъ этого тѣснаго совпаденія всѣхъ членовъ сѣверной вѣтви Арійской семьи сдѣлали заключеніе, что мельницы были извѣстны прежде отдѣленія Сѣверной вѣтви, хотя не слѣдуетъ забывать, что нѣкоторыя изъ этихъ племенъ могли заимствовать это названіе у другихъ, которыя изобрѣли мельницы.

Кромѣ названія мельницы, намъ представляются и названія мельника, молотья, мѣки, Греч. *mûlos*, жерновъ; *mûllô*, *мелю*, Нѣм. *mahlen*, Гот. *malan*; *melo*, мѣка, Нѣм. *Mehl*; *muljan*, измалывать. Греч. *mulîtai*, Лат. *molares*, измалывающіе, т. е. красные зубы.

Для всякаго, мало-мальски знакомаго съ живымъ языкомъ Англіи, переходъ значенія молотья въ значеніе сраженія не требуетъ длинныхъ объясненій. Такимъ образомъ Гомерическое *már-pamai*, я сражаюсь, бьюсь, въ примѣненіи къ кулачнымъ бойцамъ въ *Одиссеѣ*, ²⁷⁾ безъ всякихъ затрудненій приводится къ *mar*. Санскр. *mṛi—pā—mi* употребляется въ болѣе сильномъ значеніи разбиванія, пораженія. ²⁸⁾ Теперь мы легче поймемъ греч. *môlos* въ выраженіи *môlos Arēos*, тяжкій трудъ войны, и *môlôps*, мозоль, рубецъ, первоначально ударъ, контузія.

²⁶⁾ Pott, Etym. Forsch. I. 220. Kuhn, Indische Studien I, 339. Gurtius, Griech. Etym., I. 302.

²⁷⁾ Одиссея, XVIII. 31.

Ζῶσαι νῦν, ἵνα πάντες ἐπιγνώσι καὶ οἶδε

Μαρναμένους· πῶς ὅαν σὺ νεότερόν ἀνδρὶ μάχοιο.

²⁸⁾ Rig-Veda, VI, 44, 17: «prā mṛiṇa jāhi cha», порази и убей.

До сихъ поръ мы разсматривали *mar* какъ переходящій глаголѣ, выражающій дѣйствіе измалыванія какого нибудь предмета. Большая же часть глаголовъ первоначально употреблялась какъ въ переходномъ, такъ и въ непереходномъ смыслѣ; точно также и *mar*. *Mar*, въ смыслѣ непереходнаго глагола, выражающаго только положеніе или состояніе, значило бы «издерживаться, изнашиваться, бытъ въ состояніи упадка, порчи, крошиться, какъ бы—распадаться въ прахъ.» По-нѣмецки говорятъ *sich aufreiben*, истребляться, раззоряться, и *aufgerieben* почти значить—истребленный. Гете говоритъ: «*Die Kraft der Erregbarkeit nimmt mit dem Leben ab, bis endlich den aufgeriebenen Menschen nichts mehr auf der leeren Welt erregt, als die künftige;*» (сила возбужденія уменьшается съ лѣтами, пока наконецъ истребленный чело-вѣкъ въ пустомъ свѣтѣ ничѣмъ болѣе не возбуждается, кромѣ какъ будущей жизнью). Греч. *marainō*, какъ глаголѣ дѣйствительный, значить уничтожать, изнашивать; *pōsos marainei me*, болѣзнь уничтожаетъ меня; но этотъ глаголѣ употребляется также, какъ средній, въ смыслѣ исчезать, увядать, умирать. Отсюда происходитъ *marasmōs*, порча, увяданіе, франц. *marasme*. Прилагательное *mōlys*, аналогичное по образованію съ *mōlos*, значить изношенный, слабый; и новый глаголѣ *mōlynomai*, тоже значить истребляться, увядать.

Санскритской глаголѣ *mūrçhh*, ослабѣвать, изнемогать, производится отъ *mar* правильнымъ процессомъ образованія начинательныхъ глаголовъ; собственно онъ значить—умирать.

Теперь предположимъ, что древніе Аріицы въ первый разъ желали выразить то, что они постоянно имѣли предъ глазами, именно—постепенное истребленіе чело-вѣческаго тѣла, медленный упадокъ, который наконецъ кончается совершеннымъ разрушеніемъ тѣла. Какъ бы они выразили то, что мы называемъ смертью? Ближайшее понятіе, вызываемое постоянными впечатлѣніями порчи и смерти, было выражено корнемъ *mar*, распаденіе камня въ прахъ. Въ Лат. мы находимъ *mor-i-or*,

я умираю, *mortuus*, мертвый, *mors* смерть; въ Санскр. *mṛiye*, я умираю, *mṛitá*, мертвый, *mṛityu*, смерть. Одно изъ первыхъ названій человѣка было *māta*, умирающее, дряхлое созданіе; это весьма опредѣляющее названіе, какое только человѣкъ могъ дать себѣ; греч. *brotós*, смертный. Избравъ для себя это названіе, вторымъ дѣломъ было дать противоположное названіе богамъ, которые назывались *ámbrotoi*, безсмертные, а ихъ пища *ambrosia*, безсмертіе. Въ Тевтонскихъ языкахъ нѣтъ этихъ словъ, но что *mar* употреблялось въ смыслѣ если и не умиранія, то, по крайней мѣрѣ, убиванія, видно изъ готскаго *maurth*, англ. *murder*, нѣм. *Mord*, убійство. Въ Др. Славянскомъ языкѣ находятся слова *мръти*, умирать, *моръ*, *смерть*; въ Литовскомъ *mir—ti*, умирать, *smertis*, смерть.

Если лат. *morior* первоначально значить увядать, то *morbus*, болѣзнь, есть то, что причиняетъ порчу.

По-Санскритски самое наше тѣло называется *mūrti*, что, кажется, первоначально значило упадокъ, испорченное, значить, скорѣе англ. *corpse*, трупъ, чѣмъ лат. *corpus*, тѣло.

Санскр. *marman*, суставъ, членъ, Санскритскими грамматиками также производится отъ *mar* Что означаетъ это слово — слабѣющіе ли члены, или же оно происходитъ отъ *mar* въ первоначальномъ его значеніи измалыванія, выражая такимъ образомъ движеніе суставныхъ членовъ? Лат. *membrum* есть *memman*, а это, можетъ быть, произведено посредствомъ удвоенія отъ *mar*, какъ *mémblétai* отъ *mêlō*, *mémblōka* отъ корня *mol*, содержащагося въ *émolon*, коего настоящее время *blōskō*.

Теперь изслѣдуемъ лат. *mōra*, замедленіе, отъ котораго происходитъ франц. *demeurer*, пребывать, жить. *Мора* первоначально употреблялось какъ понятіе о времени, и наоборотъ, въ *mora temporis* мы видимъ естественное выраженіе медленнаго ухода, постепеннаго истеченія времени. *Sine mora*, безъ замедленія, не теряя времени, собственно значить, безъ потери времени.

Отъ *mar* во второстепенномъ, но опредѣленномъ

смыслъ увяданія, умиранія, происходитъ Санскр. *mar*, пустыня, вымершая земля. Есть еще другаго рода пустыня, *море*, которое Греки называли *atrúgeton*, неплодоносный, пустой. Аріицы не видали этой водяной пустыни прежде, чѣмъ отдѣлились другъ-отъ-друга, оставивъ свою общую родину. Когда Римляне увидали Средиземное *море*, они назвали его *mar*; это же имя встрѣчается у Кельтовъ, Славянскихъ и Тевтонскихъ націй.²⁹⁾ Трудно сомнѣваться въ томъ, чтобы они, примѣняя это названіе къ морю, не думали о мертвой, стоячей водѣ въ противоположность съ текучей водой (*l'eau vive*), съ рѣками. Эти предположенія на счетъ первобытныхъ мыслей, которыми руководились первобытные составители языка, разумѣется, всегда нѣсколько ненадежны. Нужно только остерегаться, чтобы не смѣшивать такихъ словъ, которыя, можетъ быть, имѣли совершенно независимое другъ-отъ-друга происхожденіе. Если же разъ установилось мнѣніе, что нѣтъ другаго корня, отъ котораго можно было бы произвестъ *mar* болѣе правильно, чѣмъ отъ *mar*, умирать (производство Боппа отъ Санскр. *vāgi*, вода, ничѣмъ не подтверждается), то тогда мы смѣемъ провести соединительную черту между корнемъ и его отпрысками, и намъ не зачѣмъ предполагать, чтобы въ древнія времена новыя слова слагались менѣе смѣло, чѣмъ въ наше время. Жанъ Поль называлъ языкъ «*ein Wörterbuch verblichener Metaphern*,» т. е. словаремъ поблеклыхъ метафоръ; оно дѣйствительно такъ и есть, и потому этимологъ долженъ стараться возстановить ихъ первоначальный блескъ. Если Англичане говорятъ о мертвой водѣ, понимая подъ этимъ стоячую воду, или если Французы³⁰⁾ говорятъ *eau morte* въ томъ же смыслѣ, то почему сѣверные Аріицы не могли произвестъ одно изъ своихъ названій моря отъ корня *mar*, умирать? Разумѣется, они кромѣ того, могли имѣть и другія названія, и чѣмъ племя богаче поэзіей, тѣмъ больше оно имѣетъ названій

²⁹⁾ Gurtius, *Zeitschrift*, I, 30 Слав. *море*, Лит. *marios* и *marés*, Готск. *marei*, Ирл. *muir*.

³⁰⁾ Pott, *Kuhn's Zeitschrift*, II, 107.

для океана. Греки, будучи изъ всѣхъ Арійскихъ націй наиболѣе знакомы съ моремъ, называли море не мертвою водою, а *thálassa* (*tarássô*), движеніе, *hâls*, соль, *pélagos* (*plázō*), ударяющее, *póntos*, большая дорога ³¹⁾.

Возвратимся къ первоначальному значенію корня *mar* и *mal*, который, какъ мы видѣли, значитъ измалывать, растирать, преимущественно въ примѣненіи къ молотью хлѣба и къ ударамъ кулачныхъ бойцовъ. Греки произвели отъ него одинъ изъ своихъ мифологическихъ характеровъ, именно *Molion*; это слово, по Гесихію, обозначаетъ бойца вообще, въ Греческихъ же басняхъ особенно извѣстно изъ имени двухъ сказочныхъ мельниковъ, *Moliones*, имѣвшихъ одно тѣло, но двѣ головы, четыре ноги и четыре руки. Даже Геркулесъ не могъ побѣдить ихъ, когда они сражались съ нимъ для защиты своего дяди Авгея, съ помощью его стада въ три тысячи воловъ. Потомъ онъ ихъ умертвилъ неожиданнымъ нападеніемъ. Эти герои, первоначально называвшіеся *Moliones* или *Molionidae*, т. е. раздробители; впоследствии принимались за сыновей Моліоны (*Molionē*, мельницы) и *Aktōr'a* (хлѣбопашца). Нѣкоторые мифологи ³²⁾ отождествляютъ этихъ близнецовъ съ громомъ и молніей, и замѣчательно, что названіе громовой стрѣлы *Tora*, ³³⁾ производится отъ этого же корня; потому что молотокъ Тора, *Miölnir* просто значитъ: раздробитель. У Славянъ *молнія* имѣетъ то же значеніе. Въ Сербскихъ пѣсняхъ *Мунья* считается сестрою *Грома*, и стала мифологическимъ лицомъ.

Кромѣ этихъ героическихъ мельниковъ у Грековъ есть еще другая двойня великановъ, извѣстная подъ именемъ *Aladae*, *Otos* и *Ephialtes*. Въ своей гордынѣ они взгромоздили *Оссу* на *Олимпъ*, а *Пеліонъ* на *Оссу*,

³¹⁾ Curtius, Kuhn's Zeitschrift, I, 33.

³²⁾ Friedrich, Realien in der Iliade und Odyssee, 562. Preller, Griechische Mythologie, II 165.

³³⁾ Grimm, Deutsche Mythologie, 164, 1171. «Святой» *mawie* («*maul*, *maillet*, *malleus*) Гриммъ относится къ молоту Тора.» The holy *mawie*, which they fancy hung behind the church—door, which, when the father was seaventie, the sonne might fetch to knock his father on the head, as effete and of no more use.» Haupt's Zeitschrift, V, 72.

подобно Вавилонскому столпу, чтобы подняться въ жилище боговъ. Они были отражены Аполлономъ. Названіе этихъ исполиновъ имѣетъ значеніе, весьма близкое къ *Moliones*; оно происходитъ отъ *alōē* (гумно) и значитъ: малотильщикъ. Вопросъ теперь состоитъ въ томъ, можно ли привести къ корню *mal* слова *alōē*, гумно, *áleuron* и *tā aleura*, пшеничная мука? Говорятъ, что греческія слова иногда принимаютъ начальное *m* для благозвучія, что однако ничѣмъ не доказано. Можно же доказать многими аналогіями, что греческія слова, первоначально начинающіяся буквою *m*, при случаѣ утрачиваютъ эту букву. Безъ сомнѣнія, это насильственная перемѣна, по-видимому, не имѣющая никакой фізіологической необходимости, такъ какъ произношеніе начального *m* не затруднительнѣе, чѣмъ произношеніе начальной гласной. Тѣмъ не менѣе есть тому аналогіи, а аналогіями мы можемъ руководиться. Слово *móschos* напр., иѣжный отпрыскъ, является также въ видѣ *óschos* или *ósche*, молодая вѣтвь. вмѣсто женскаго рода *mía*, одна, у Гомера встрѣчается *ía*; вмѣсто *áleuron*, пшеничная мука, у Гелладія ³⁴⁾ находится форма *máleuron*. Сравнивая Греческій языкъ съ Латинскимъ, мы у Римлянъ находимъ слово *molā*, мука, собственно—грубо молотая полбенная крупа, смѣшанная съ солью, которою посыпали жертву; у Грековъ эта смѣсь называлась *oulaí* или *olaí*, и полагаютъ, что у нихъ бралась не полба, а ячмень ³⁵⁾. Въ силу этихъ аналогій, кажется, можно допустить возможность опущенія начального *m* въ греческихъ словахъ, такое допущеніе позволяетъ намъ привести къ корню *mag*, какъ *Moliones*, такъ и *Aloadae*. Если же *Moliones* и *Aloadae* ³⁶⁾ происходятъ отъ *mag*, то, кажется, нечего сомнѣваться, что *Mars* и *Ages*, плѣнники Алоадовъ, также происходятъ изъ того же источника. Въ Санскритскомъ языкѣ корень *mag* доставилъ слово *Marut*, вѣтеръ, бук-

³⁴⁾ Μώλωφ, шрамъ, кажется, находится въ связи съ οἰλάι, рубецъ.

³⁵⁾ Buttmann, Lexilogus, 439.

³⁶⁾ Otos и Ephialtes, вѣтеръ (*vāta*) и ураганъ.

важно—раздробитель или молотильщик; ³⁷⁾ и въ характерѣ Marut-овъ, спутниковъ *Индры*, въ его ежедневной борьбѣ съ *Вритрою* (*Ugritra*), легко открываются начала воинственныхъ божествъ. Э тотъ же корень вполне объясняетъ латинское Mars, ³⁸⁾ Martis, и если принять во вниманіе колебаніе начальнаго m, то также и греческое *Agēs*, *Ageōs*; древнія латинскія названія Марса, *Marmar* и *Marmog*—удвоенныя формы; въ Оскскомъ *Māmers* удвоенный слогъ утратилъ букву g. Не такъ легко объясняется *Māvors*, ³⁹⁾ ибо въ Латинскомъ нѣтъ ни одного примѣра, чтобы m въ серединѣ слова измѣнялось въ v. Этимологически не представляется никакого затрудненія въ производствѣ отъ одного и того же корня ⁴⁰⁾ индійскаго названія *Marut*, латинскаго *Mars* и греч. *Ares*; однако въ легендахъ о Марсѣ, или объ Аресѣ нѣтъ никакихъ ясныхъ слѣдовъ, чтобы они были представителями бури. Римскій Марсъ, равно какъ и Оракійскій Аресъ приняли характеръ высшихъ боговъ—

³⁷⁾ Проф. Кунъ принимаетъ *Marut* за причастіе на at, придавая ему значеніе умирающаго или умершаго. Онъ полагаетъ, что *Marut*-ы первоначально считались за души усопшихъ, и такъ какъ души принимались за призраки, духи или вѣтры, то *Маруты* впоследствии приняли характеръ боговъ вѣтра. Такой взглядъ не находитъ однако подтвержденія въ ведическихъ гимнахъ. Названіе *Pitumna*-а, брата *Pisumna*-а—оба они спутники Марса, имѣтъ похожее значеніе, т. е. раздробитель. *Jupiter Pistor* первоначально также былъ богъ, поражающій громовою стрѣлою (*Preller Römische Mythologie*, 173). *Molae Martis* основываются, по—видимому, на аналогичномъ понятіи о природѣ Марса.

³⁸⁾ Приставка слова *Mars*, *Martis*, другая, чѣмъ у *Marut*. Санскр. *Marut* есть *Mar—vat*; *Mars*, *Martis* образовано какъ *pars*, *partis*, что случайно соответствуетъ Санскр. *par—us* или *par—van*. Опять иначе образовано греческое *Ares*, но эолійская форма *Areus* болѣе подходитъ въ Санскр. *Marut*.—Kuhn, *Zeitschrift*, I. 376.

³⁹⁾ Corssen, *Kuhn's Zeitschr.* II. 1—35.

⁴⁰⁾ На коренную связь *Marut* и *Mars* первый указалъ Проф. Кунъ въ *Haupt's Zeitschrift*, 491. Онъ производитъ оба слова отъ *mar* въ смыслѣ умирающаго. Другія производствъ приводятся Корсеномъ въ *Kuhn's Zeitschrift*, II. 1. Онъ приводитъ Цицерона (*Nat. Deor* II. 28): «*Jam qui magna verteret Mavors*» *Cedrenus* (*Corp. Byz. Niebuhr*. I. 295, 21): «*ὅτι τὸ Μάρτεμ οἱ Ῥωμαῖοι μάρτεμ ἐχάλουν οἰονεῖ θάνατον, ἢ κινητὴν τῶν τεχνῶν, ἢ τὸν παρ' ἀρρένων καὶ μόνων τιμώμενον*»; *Varro* (*L. L.* v. §. 73., ed O Müller). «*Mars ab eo quod maribus in bello praeest, aut quod ab Sabinis acceptus, ibi est Mamers.*» *Leo Meyer*, *Kuhn's Zeitschrift*, 386.

хранителей, не смотря на то, что поклонение имъ ограничивалось незначительными областями. Единственное связывающее звено между классическими божествами Марса и Ареса и Индійскими Марутами есть ихъ воинственный характеръ. Если же взять *Индру*, какъ разрушителя зимы и мрака, какъ постоянного побѣдителя въ борьбѣ съ враждебными силами природы, тогда онъ, какъ предводитель *Марутовъ*, дѣйствующихъ какъ его войско, принимаетъ болѣе отличительное сходство съ *Марсомъ*, божествомъ весны, подателемъ плодородности, разрушителемъ зла. ⁴¹⁾ Безъ всякаго понятія о родствѣ Ареса съ Марутами, Преллеръ открылъ въ Аресѣ олицетвореніе неба, возмущеннаго бурей ⁴²⁾.

⁴¹⁾ Preller, Röm. Mythol., 300 и слѣд.

⁴²⁾ Preller, Griech. Mythol., 202—3. «Endlich deuten aber auch verschiedene bildliche Erzählungen in der Ilias eine solche Naturbeziehung an, besonders die Beschreibung der Kämpfe Zwischen Ares und Athena, welche als Göttin der reinen Luft und des Aethers die natürliche Feindin des Ares ist, und gewöhnlich sehr unbarmherzig mit ihm umgeht. So Ilias, v. 583, wo sie ihn durch Diomedes verwundet, Ares aber mit solchem Getöse niederrasselt (ἔβραχε), wie neuntausend oder zehntausend Männer in der Schlacht zu lärmen pflegen, worauf er als dunkles Gewölk zum Himmel emporfährt. Ebenso II. XXI, 400, wo Athena den Ares durch eine Steinwurf verwundet, er aber fällt und bedeckt sieben Morgen Landes im Fall, und seine Haare vermischen sich mit dem Staube, seine Waffen rasseln: was wieder ganz den Eindruck eines solchen alten Naturgemäldes macht, wo die Ereignisse der Natur, Donnerwetter, Wolkenbruch, gewaltiges Stürmen und Brausen in der Luft als Acte einer himmlischen Göttergeschichte erscheinen, in denen gewöhnlich Zeus, Hera, Athena, Hephästos, Ares und Hermes als die handelnden Personen auftreten. Indessen ist diese allgemeine Bedeutung des Ares bald vor der speciellen des blutigen

До сихъ поръ мы рассматривали непосредственные отпрыски корня *mar*, не обращая вниманія на разныя измѣненія, которымъ подлежитъ самъ этотъ корень. Это предметъ большой важности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представить много труднаго, и мало положительнаго. Въ одной изъ прежнихъ лекцій я говорилъ, что Индійскіе грамматики привели всѣ слова своего языка приблизительно къ 1700 корнямъ. Послѣ установленія этихъ корней въ Санскритѣ ни одно слово не оставалось необъясненнымъ. Но многіе изъ этихъ корней, фактически, сами—производные; такъ напр. кромѣ *yu*, соединять, находится *yuḥ*, соединять, и *yudh*, сходиться въ борьбѣ, вступать въ рукопашный бой. Здѣсь *j* и *dh*—видоизмѣняющія буквы, непремѣнно имѣвшія первоначально свое значеніе. За диалектическое видоизмѣненіе корня *yuḥ* слѣдуетъ также считать *yaut*, соединять, спаивать, склеивать.

Примѣнимъ сказанное нами къ корню *Mar*. Какъ отъ *yu* происходитъ *yudh*, такъ *mar* образуетъ корень *mardh* или *mṛidh*, существующій въ Санскритѣ въ смыслѣ разрушенія, умерщвленія; отъ него происходитъ *mṛidh*, врагъ⁴³⁾.

Далѣе, какъ отъ *yu* происходитъ *yuḥ*, такъ отъ *mar*—очень часто встрѣчающійся корень—*marj* или *mṛij*; онъ имѣетъ значеніе тренія, но не въ смыслѣ разрушенія, какъ *mṛidh*, а въ смыслѣ очищенія. Это его обыкновенное значеніе въ Санскритѣ, объясняющее санскритское названіе кошки, *mārgjāga*, буквально—животное, которое постоянно третъ или чиститъ себя. Въ Греческомъ, въ томъ же смыслѣ, мы находимъ *omórg-py-mi*. Это общее значеніе получило еще болѣе опредѣленное значеніе въ Греческомъ, Латинскомъ, Германскомъ и Славянскомъ языкахъ, образуя чрезъ измѣненіе *g* въ *l* корень *malg*, тереть вымя коровъ, т. е. доить. Греч. *mélgō* и *amelgō* зна-
Kriegsgottes zurückgetreten.»

См. также Иліад. XX. 51.

Ἄθε δ' ἄρης ἐτέρωθεν, ἐρεμνῇ λαίλαπι ἴσος — IX.4.
Ὡς δ' ἀνεμοὶ δύο πόντον ὀρίνετον ἰχθύσεντα,
Βορέης καὶ Ζέφυρος, τῷ τε Θρήκηθεν ἄητον.

⁴³⁾ Ry. VI. 53, 4. «vi mṛidhah jahī», убей враговъ.

читать доить Лат. *mulgēre* имѣть то же значеніе. Въ Др. В. Герм. мы находимъ существительное *milchu*, и отъ него новыя отглагольныя производства въ смыслѣ доенія. Лит. *milzti* значитъ доить и тереть, гладить. Эти два родственныя значенія въ Латинскомъ языкѣ различаются словами *mulgēre*, доить, и *mulcēre*, тереть. Тутъ мы открываемъ третью модификацію корня *mar* съ конечнымъ гортаннымъ или небнымъ мгновеннымъ глухимъ, именно *mārch*, подобно тѣму какъ Санскр. *yâch*, спрашивать, отъ *yâ*, ходить (*ambire* или *adire*). Подобнымъ процессомъ, но для другой цѣли, образовано Лат. *marcus*, большой молотъ или пѣсть; это названіе въ Римѣ употреблялось какъ имя собственное *Marcus*, *Marcus*, *Marcianus*, *Marcellus*, и снова встрѣчается въ позднѣйшее время въ историческомъ имени *Карла Мартеля*. Санскр. глаголь *mṛis*, съ конечнымъ небнымъ *s*, напротивъ, выражаетъ понятіе нѣжнаго глаженія, и съ извѣстными предлогами значитъ обдумывать, размышлять. Какъ Лат. *morī*, умирать, первоначально значило увядать, такъ *marcere* выражаетъ то же самое понятіе во вторичной формѣ; оно значитъ увядать, изнемогать, слабѣть, и поддерживается прилагательнымъ *marcidus*. Сюда же относится греч. прилагательное *malakós*, гладкій, нѣжный, первоначально глаженный, тертый, и наконецъ слабый, больной, изнѣженный ⁴⁴⁾.

Одно изъ самыхъ правильныхъ измѣненій корня *mar* есть *mṛâ*, и этотъ корень въ видѣ *mlâ* значитъ увядать, *млѣть*. Такъ какъ въ Греческомъ *ml* часто передается чрезъ *bl*, то къ этому же началу можно отнести *blâx*, слабый, вялый тѣломъ и духомъ, и Гот. *malsk-s*, глупый. ⁴⁵⁾ Мягкій, слабый и глупый во многихъ языкахъ — синонимны, и очень вѣроятно, что Греч. *mṛōs*, глупый, происходитъ отъ *mar*, и означало первоначально: мягкій, нѣжный, слабый.

⁴⁴⁾ Ср. лат. *levis*; ἀμαλός, если оно стоитъ вм. μαμαλός, нѣжный, можетъ относиться сюда же. Слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе на Аттич. ἀμαλός.

⁴⁵⁾ Curtius, Grīch. Etym. I. 303.

Изъ этого мы видимъ, какъ различныя значенія переходятъ одно въ другое;—какъ то, что съ одной точки зрѣнія считается издержаннымъ, разрушеннымъ, истребленнымъ, съ другой кажется гладкимъ и блестящимъ;—и наконецъ, какъ творческая сила челоуѣка могла выразить оба понятія однимъ и тѣмъ же кореннымъ элементомъ. Мы видѣли, что для греч. глагола *ʹomórgnyn-mi* установилось значеніе тренія или чищенія, а для *amélgō* значеніе тренія или доенія, и далѣе мы замѣчаемъ, какъ третье понятіе тренія, въ смыслѣ сдиранія или срыванія, выражается греч. глаголомъ *mérgō* или *amérgō*.

Теперь нашъ корень шагъ, вмѣсто конечнаго гортаннаго, пусть будетъ усиленъ конечнымъ губнымъ, мы получимъ форму *marp*, которая часто встрѣчается у Греческихъ поэтовъ. Этотъ усиленный корень обыкновенно значить ловить (и отождествляется съ *harpazō*), но слѣды его первоначальнаго значенія замѣчаются въ выраженіяхъ, каковы *gēgas ēmarpse* ⁴⁶⁾, старость истерла его; *udē chthóna mārpte podoîn* (Иліада XIV. 228), онъ топталъ землю ногами.

Останавливаясь на этой новой формѣ *marp*, сообразимъ, что она можетъ измѣниться въ *malp* и *mlar*; далѣе вспомнимъ, что въ Греческомъ *ml* и *bl* мѣняются между собою, такъ что получаемъ *blar*, что содержится въ греч. глаголѣ *bláptō*, вредить, мѣшать. Съ нимъ сродны англ. *to blame*, франц. *blâmer*, вмѣсто *blasmer*, искаженнаго изъ *blasphēmer*. греч. *blasphemeîn* съ своей стороны стоитъ вм. *blapsiphēmeîn*, клеветать, дурно о комъ говорить. Въ *blapsi* мы видимъ глаголѣ *bláptō*, законный отпрыскъ нашего корня *mar*.

Одинъ изъ самыхъ плодотворныхъ потомковъ корня *mar* есть *mard*. Этотъ корень встрѣчается въ Санскр. глаголѣ *mṛidnāti* (9 кл.), *mṛadati* (1 кл.). въ смыслѣ растиранія; но преимущественно съ предлогами онъ имѣетъ также значеніе раздавливать, преодолевать, побѣждать. Отъ этого корня мы имѣемъ Санскр. *mṛidu*, ⁴⁷⁾

⁴⁶⁾ Одис. XXIV. 390.

⁴⁷⁾ Curtus (Griech. Et. I. 92) выставляетъ аналогію греческаго

мягкій, нѣжный, лат. *mollis* (*mard, mald, mall*), древнеслав. *младъ* (*maldu*), и съ другою приставкою англ. *mellow*. Во всѣхъ этихъ словахъ истертое и разбитое въ-прахъ употреблялось представителемъ мягкости, и потому перенеслось къ нравственной мягкости и кроткости. Самая пыль называлась этимъ же корнемъ въ его простѣйшей формѣ *mr̥id*, которая въ послѣдствіи получила значеніе вообще почвы, земли.

Готское *malma*, песокъ, принадлежитъ къ этому же классу словъ; также и нѣм. *zerhmalen*, раздроблять, и готское *malvjan*, употребляемое Ульфилою въ томъ же смыслѣ.

Латинскій языкъ произвелъ много словъ отъ этого корня. *Malleus*, молотъ, стоитъ вѣроятно вмѣсто *mardeus*. Хотя *martellus* стоитъ вмѣсто *marcellus*, однако и это слово относится сюда же. Вторичную форму этого корня мы находимъ въ Лат. *tor̥dere*, кусать, первоначально — измалывать, растерзывать.

Англ. *to smart* болѣть, очень вѣрно сопоставлено съ *tor̥dere*, такъ какъ начальное *s* есть образовательная буква, съ которою мы въ послѣдствіи еще будемъ встрѣчаться. «*A wound smart*» значитъ: рана болитъ, кусаетъ. Этотъ глаголъ примѣняется ко всякой острой боли. Нѣм. *Schmerz* значитъ вообще боль ⁴⁸⁾.

Этотъ корень *mar̥dō*, греч. *mél̥dō*, расплавить, въ Англійскомъ правильно принимаетъ видъ *malt* или *melt*, что, безъ всякаго сомнѣнія, первоначально значило смягчить, если и не ударами молотка, то, по крайней мѣрѣ, облизываніемъ пламени и поглощающимъ дѣйствіемъ жара. Нѣм. *schmelzen* въ томъ же значеніи употребляется какъ глаголъ дѣйствительный и какъ средній. Какъ же въ слѣдующихъ случаяхъ поступалъ языкъ? Требовалось

тѣр̥ну, нѣжный, если оно производится отъ *тѣр*, какъ въ *тѣіρω*. Если это такъ, то и Лат. *terra*, земля, пыль, можно объяснить такъ же, какъ Санскр. *mr̥id*, пыль, земля.

⁴⁸⁾ Ebel, Kuhn's Zeitschrift, VII. 226, приводитъ *σμεδαλέος* къ тому же корню, а также и гот. *marzjan*, морить. — Benary, Kuhn's Zeilschr. IV 48.

выраженіе для смягчающаго вліянія, которое человѣкъ высказываетъ взглядами, жестами, словами, или молитвами. Для этого обратились къ корню, который прежде выражалъ понятіе сглаживанія жесткой поверхности, смягченія твердаго вещества, и, съ слабымъ измѣненіемъ, корень *mard* установился въ Санскритской формѣ *mṛid* или *mṛil*, смягчать, умиловать. ⁴⁹⁾ Этотъ глаголь употреблялся преимущественно въ выраженіяхъ о богахъ, которыхъ нужно было умиловать молитвами и жертвами, но какъ средній глаголь—онъ относился къ самимъ богамъ, которыхъ упрашивали, чтобы они смягчились и стали благосклонны. Молитвы, которыя мы теперь переводимъ чрезъ «Помилуй насъ», первоначально значили «смягчитесь для насъ, о боги».

Изъ этого источника происходитъ гот. *mild*, англ. *mild*, нѣм. *mild*, мягкій, нѣжный, и литовское названіе любви *meile*. Въ Греч. мы находимъ *meilia*, пріятные дары, и производныя *meilíssō*, смягчать, ласкать, и *meílichos*, нѣжный, милый.

Этотъ процессъ размягченія можетъ быть разсматриваемъ еще съ другой точки, столь же естественной, именно съ точки зрѣнія таянія или замиранія въ смыслѣ сильнаго желанія, тоски по чемъ-нибудь. Мы можемъ сказать, что человѣкъ млѣетъ въ любви или горѣ (Нѣм. *er zerschmilzt, er vergeht vor Liebe*), и Греки въ этомъ же смыслѣ говорили *meledaíno*, я таю, т. е. я забочусь, *meledónē*, забота, горе. *Meldómenos* Гесихій тоже объясняетъ въ смыслѣ желанія. ⁵⁰⁾ Мы прежде видели, что есть примѣры утраты начальнаго *m* въ корнѣ *mar*. Поэтому мы въ правѣ считать греч. *éldomai* за первоначальное *méldomai*. Оно значитъ умирать по чемъ-нибудь, сильно желать, ⁵¹⁾ т. е. совершенно то, что оно должно было бы означать, если бы оно происходило отъ корня, содержащагося въ *méldō*, таю.

⁴⁹⁾ Язычное *d* правильно является въ Санскр. *mṛi.nṛaya*, земной.

⁵⁰⁾ Curtius, Gr. Et. II. 167.

⁵¹⁾ Вадашское *dog* значитъ желаніе, но оно существенно то самое слово, что итал. *duolo*, боль.—Diez. Аналог. конструкціи и въ Латинскомъ, *Corydon ardebat Alexin*.

Можно идти еще дальше. Изъ греч. *márptō*, хватать, мы видѣли, что *mar* усиливается въ *mar*. Греч. *mélreîn* также употребляется въ смыслѣ примиренія, ⁽⁵²⁾ первоначально смягченія или тайнн. Отыскивая потомъ соотвѣтствующія формы безъ начального *m*, мы находимъ *élpomai*, что значитъ—я надѣюсь, первоначально значило: я желаю. Не лишено важности и то, что Гезихій приводитъ какъ разъ ту форму, которую мы ожидаемъ, именно *molpis* вм. болѣе употребительнаго слова *élpis*, надежда ⁽⁵³⁾.

При нашемъ изслѣдованіи, намъ часто попадалась приставленная къ *mar* начальная буква *s*, на которую мы смотрѣли просто, какъ на видоизмѣняющій элементъ, прибавляемый для обособленія словъ, которыми требовалось отличать одно отъ другаго. Не допытываясь настоящаго происхожденія этого *s*, недавно послужившаго предметомъ жаркихъ споровъ между Поттомъ и Курціусомъ, можно считать за рѣшенное, что Санскр. корень *smar* тѣсно связанъ съ корнемъ *mar*, да и не трудно ⁽⁵⁴⁾ открыть, какъ значеніе *smar*, помнить, могло развиваться изъ *mar*, молоть. Мы довольно часто видѣли, что понятіе тайнн, плавленія переходило въ понятіе любви, надежды, желанія, и мы увидимъ, что Санскр. *smar* первоначально не значило—помнить, а желать. Санскр. *smaga* значитъ любовь, какъ лит. *meile*, любовь, т. е. тайнн. Отъ этого значенія желанія произошли другія значенія, какъ напр. оставаться при чемъ, гдѣ-нибудь (при какой-нибудь мысли), размышлять, и потомъ—помнить. Въ прочихъ Аріискихъ языкахъ не появляется начальное *s*. Лат. *memor*, *memoria*, *memorare* имѣютъ тѣсное значеніе воспоминанія. Но Греч. *memairō* просто значитъ размышлять, заботиться, печалиться; *mégimna* значитъ забота, и даже нѣтъ необходимости, чтобы, *mártyr* всегда обозначало помнящаго, воспоминающаго человѣка, а оно можетъ такъ

⁽⁵²⁾ Curtius, Gr. Et. I. 293., μέλτερον τὸν Θεόν?

⁽⁵³⁾ Тамъ же II. 167.

⁽⁵⁴⁾ Курціусъ (Gr. Et. I. 84) приводитъ *smar*, какъ видно изъ тѣхъ корней, которые, если и не съ самаго начала, то, во всякомъ случаѣ, прежде Аріискаго раздѣленія, приняли исключительно интеллектуальный смыслъ.

же говорится о человѣкѣ, который заботится, чтить, уважаетъ кого или что ⁽⁵⁵⁾.

Разбирая эту группу словъ, я главнымъ образомъ старался слѣдить за постепеннымъ ростомъ понятій, за медленнымъ поступающимъ движеніемъ нашей мысли отъ частнаго къ общему отъ матеріальнаго къ духовному, отъ конкретнаго къ отвлеченному. Стирать или гладить ведетъ къ понятію примиренія; выраженія: изнашиваться или увядать—примѣняются къ изнурительному чувству обманутой надежды и страждущаго сердца, и понятія, въ родѣ памяти и страдальчества, облекаются словами, происходящими изъ того же источника.

Судьбы одного этого корня маг составляютъ только незначительную главу въ исторіи развитія Арійскихъ языковъ; но и по этому незначительному отрывку можно составить себѣ понятіе о силѣ и гибкости корней, и о безпредѣльномъ вліяніи метафоры на составленіе новыхъ понятій.

20583

(⁵⁵) Ср. ἰδρωρός, ἔρχεσιμωρός, въ смыслѣ заботы о стрѣлахъ, копьяхъ и т. д., Benary Kuhn's Zeitschr. IV. 53; ἱστορες θεοί, Ἀγραυλος, Εὐνάλιος, Ἄρης, Ζεὺς, Preller, Griech. Mythol. 205.

I. ИЗСЛѢДОВАНИЯ. 1.) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ, по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл. Поэзіи, Исторіи Литературы; — будутъ помѣщаться даже цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ; — разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія; — разныя методы и программы; — указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч. — словомъ, это будетъ обмѣнъ мыслей между преподавателями.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛЮГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либостатьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, меткостей, силы выраженія и красота языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго, — (народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ съ краткими указаніями относительнаго достоинства ихъ, и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографія, сравнительной міеологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**.

Цѣна годовому изданію **6** руб.

Подписка принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ**: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ, также въ книжныхъ магазинахъ—Никитина, Семенова и Кашкиной;

въ **С.-ПЕТЕРБУРГѢ**: въ книжныхъ магазинахъ — П. И. Глазунова, Я. А. Исакова;

въ **МОСКВѢ**: въ книжныхъ магазинахъ—**Ө. И. Салаева**; **А. И. Глазунова**, **И. Г. Соловьева**;

въ **ХАРЬКОВѢ**: въ книжномъ магазинѣ—**А. П. Скалона**;

въ **КАЗАНИ**: въ книжномъ магазинѣ **А. А. Дубровина**;

въ **ОДЕССѢ**: въ книжномъ магазинѣ **Г. И. Бѣлаго**.

Въ Редакціи имѣются слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1862—1863 и 1864 годы. Цѣна за каждый годъ по **6** р. за 1865 г. **3** р., за 1866 г. **5** р., за 1867 г. **6** р.

Опытъ Элементарнаго Руководства при изученіи Русскаго языка практическимъ способомъ—**Элементарная Грамматика. КУРСЪ 1-й и 2-й.** К. Говорова. 1868 г. 5-е, исправленное изданіе. Цѣна за экземпляръ 50 коп. безъ перес.

3-й Курсъ Элементарной Грамматики — Синтаксисъ, К. Говорова. 1868. 6-е, исправленное изданіе. Цѣна 50 коп. Въсѣмъ при разстояніи.

О Юморѣ въ сравненіи съ Сатирой, Н. Попова. 1864. Цѣна 30 к. за экз. съ пересылкою.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Перев. съ фр. А. Н. Чудинова. 1866. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдова и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о Языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса Мюллера—шесть лекцій. Выпускъ 1-й пер. съ Англ. 1868. Цѣна 1 руб. 40 коп. съ пересылкою.

Издатель и Редакторъ **А. Хованскій.**

Дозволено Ценсурой. Москва. 6 Декабря 1868 г.

